Екатерина Бебиа

К штыку приравняв ПЕРО...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История СМИ в период Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 г.г.) сохранила немало примеров того, как корреспонденты — граждане Абхазии или приехавшие из России — разделили с бойцами все опасности фронтовой жизни, шли под огонь, участвовали в десантных операциях, ходили в атаку. Такое поведение не всегда диктовалось прямым выполнением редакционного задания. Мерой их поступков были другие законы — законы фронтового Товарищества, законы совести. Во время войны в Абхазии погибли 15 человек, деятельность которых так или иначе была связана со средствами массовой информации. Их памяти посвящена и, прежде всего о них — эта книга.

- ЕКАТЕРИНА БЕБИА
  - Предисловие
  - Журналисты Абхазии на войне
  - Прорваться за грань
  - Погиб, выполняя профессиональный долг
  - Первая жертва
  - За красавицу Гагру
  - ДАДИ
  - «Ухожу с тревогой»
  - Делба Саида Бадровна 27.07.1965–30.11.1992 г.г.
  - АНДРЕЙ ОСТРОВСКИЙ
  - Юный Алмас
  - АСЛАНБЕЙ
  - Погиб, защищая свой город
  - Гибель экипажа танка № 04
  - Сердце, открытое людям
  - Военный корреспондент
  - Правда эпохи
  - С Восточного фронта сообщает наш корреспондент
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

ЕКАТЕРИНА БЕБИА
К штыку приравняв перо…

Книга написана по инициативе Союза журналистов Абхазии. Издана при поддержке Александра Анкваб.

Предисловие

История СМИ в период Отечественной войны народа Абхазии (1992–1993 г.г.) сохранила немало примеров того, как корреспонденты — граждане Абхазии или приехавшие из России — разделили с бойцами все опасности фронтовой жизни, шли под огонь, участвовали в десантных операциях, ходили в атаку. Такое поведение не всегда диктовалось прямым выполнением редакционного задания. Мерой их поступков были другие законы — законы фронтового Товарищества, законы совести.

Во время войны в Абхазии погибли 15 человек, деятельность которых так или иначе была связана со средствами массовой информации.

Это — девушка из Ткуарчала, до войны — редактор гудаутской газеты «Аублаа», поэтесса, на войне ставшая санинструктором, часто выступавшая в первые месяцы войны по ткуарчальскому телевидению Саида Бадровна Делба. Это — молодой поэт из Москвы, во время войны в Абхазии работавший корреспондентом радиостанции Би–би–си и одновременно ставший с оружием в руках на защиту Абхазии Александр Викторович Бардодым.

Восемнадцатилетний Апмас Владимирович Капба до войны работал в типографии на выпуске газеты «Апсны». Он участвовал в высадке десанта батальона «Горец» на горе Ахбюк и пропал без вести. Корреспондент московской газеты «Экспресс–хроника» Андрей Анатольевич Островский приехал в Абхазию по зову сердца и погиб в боях за село Мыркула на Восточном фронте.

Фотокорреспондент ИТАР-ТАСС Андрей Борисович Соловьев в день освобождения Сухума — 27 сентября 1993 года — был с первыми подразделениями, которые вошли в город Он вел съемку на площади перед Домом правительства — последним оплотом противника и здесь погиб с фотоаппаратом в руках.

В одной руке автомат, в другой — ручка Так погибли военные журналисты и бойцы Константин Семенович Габниа и Мирод Сампалоеич Гожба. Они и до войны были нештатными корреспондентами гудаутской районной газеты «Бзыбь» публиковались в других периодических изданиях, а также выступали по радио и телевидению Абхазии.

Погибли с оружием в руках бывшие сотрудники Гостелерадиокомпании Абхазии при освобождении Гагры — Лаврентий Давидович Брандзия, а на Восточном фронте — Автацдил Шаликович Гварамия. Из непосредственно работавших и во время войны в Гостелерадиокомпании Абхазии погибли

четверо. Анзор Милотонович Кварчелиа. Валерий Засимович Ажиба, Аслан Нур биеевич Камкиа, Джамбул Рауфович Джопуа Из–за подорванного во время войны здоровья уже после нее скончался телережиссер Анатолий Алексеевич Шониа Он награжден орденом Леона.

Их памяти посвящена и, прежде всего о них — эта книга.

Журналисты Абхазии на войне

В день начала войны в Абхазии — 14 августа 1992 года — по Абхазскому радио и телевидению было передано обращение Председателя Верховного Совета Республики Абхазия Владислава Григорьевича Ардзинба к народу Абхазии, где говорилось о том, что грузинские войска вошли в Абхазию с целью ликвидировать абхазскую государственность и что необходимо всем встать против агрессора.

Точно так же как защитники Абхазии с охотничьими ружьями и даже совсем безоружные встали на огневой рубеж, гак и работники средств массовой информации пришли в свои редакции и взялись за свое оружие — перо. А затем с телекамерой, магнитофоном и записной книжкой тоже пришли на передовую.

«Боевое крещение» журналисты и операторы Гостелерадио получили в Сухуме на Красном мосту, где разворачивались главные события начавшейся войны Первые репортажи о войне были записаны на Красном мосту и в тот же день переданы в эфир. Ополченцы в один голос говорили. «Враг пришел в наш дом мы защищаем свой очаг, свои семьи Нам поможет Бог ибо защищать свою землю — это святое дело Пока хоть один абхаз жив, мы не сдадим свода Родину. Ведь у нас она одна Без Родины человеку нет жизни на земле.» [1]

14 и 15 августа Абхазское радио и телевидение выходило в эфир из Сухума и доносило до людей правдивую информацию о том, что происходит в Абхазии.

15 августа Госсоветом Грузии было принято решение о прекращении передачи информации из Республики Абхазия различным международным агентствам Распространению подлежала только га информация, которая согласована с Тбилиси. 16 августа в первой половине дня вооруженная группа госсоветовских вояк захватила радиотелевизионную передающую станцию в Сухуме, отстранив ее сотрудников от работы.

Так прекратилось вещание Абхазского радио и телевидения Журналисты были лишены права правдивую информацию о кровавых событиях в Абхазии. Грузины исправили полученные в результате боя повреждения телевышки на Сухумской горе, и сами вышли в радио и телеэфир из Сухума Их передачи выходили на грузинском и русском языках. Ведущего же на абхазском языке за весь период войны они не могли найти ни на телевидении, ни на радио. Оставшиеся в оккупации абхазы, которые могли бы вести передачи, под всякими предлогами отказывались это

делать.

В тот же день, 16 августа, когда телевышка была занята грузинами, коллектив Абхазской Госгелерадио- компании обратился к журналистам России, Международной конфедерации журналистских союзов, информационным агентствам стран мира В их обращении говорилось: Идущая по каналам Грузинского радио и телевидения информация не отражает реальной обстановки в Абхазии. Убедительно просим в эти трагические часы, переживаемые Абхазией, проявить профессиональную солидарность и поддержку. Мир должен знать о кровавых преступлениях боевиков армии Госсовета Грузии, во главе которой стоит «великий демократ» Шеварднадзе. Уважаемые коллеги! Обращаемся к вам за содействием в прорыве информационной блокады, в которой оказалась наша республика…».[2]

Эдуард Шеварднадзе открыл второй фронт — информационную войну против Абхазии и ее народа. На это он не жалел средств.

Работники Гостелерадиовещательной компании Абхазии вынужденно оставили свои рабочие места. Абхазские ополченцы уже перешли от Красного моста в район Гумисты, а грузинские войска без боя вошли в Сухум и оккупировали его.

Руководство Абхазии, все службы, Абхазское телевидение и радио, редакции периодических изданий и большинство абхазского населения Сухума были эвакуированы в Гудауту. Абхазское народное ополчение закрепилось у реки Гумисты.

Директором студии Абхазского радио тогда был. Владимир Хашба, старшим редактором — Семен Адлейба.

Во время войны каждое слово, произнесенное в эфире Абхазского радио, давало силу и энергию народу Абхазии, борющемуся против агрессора. Владислав Ардзинба подчеркивал, что «в течение всего времени агрессии против Абхазии… мы остаемся объектом дезинформации». [3] Ведь только Абхазское радио правдиво освещало события, и поэтому он высоко оценил его работу и сам находил время отвечать на вопросы Абхазского радио и телевидения.

В первые дни войны, пока не произошло общее отключение электричества, на Восточном фронте выходили в эфир ткуарчальские радио и телевидение, нерегулярно, но все же печаталась газета «Ткварчельский горняк». Но после отключения электричества это стало невозможным. С помощью дизеля Ткуарчальское радио еще несколько дней могло выходить в эфир, но затем и эти передачи прекратились Единственным средством, при помощи которого можно было связаться с Большой землей

(так называли тогда Гудауту) и с внешним миром, стало Абхазское радио, которое смогло разрушить информационную блокаду на Восточном фронте.

Жители блокадного Очамчырского района и Ткуарчала, у которых оставались старые радиоприемники, достали их, починили. Из–за отсутствия электричества и батареек эти радиоприемники подключали к аккумуляторам автомашин или к аккумуляторам для рации. А ткуарчальцы научились их подключать к своим шахтерским лампам, так называемым коногонкам, и приложив ухо к усилителям, слушали Абхазское радио, которое доносило им правдивую информацию. Затем эта информация, подобно народному устному творчеству, передавалась от одного к другому, из тыла к оборонительным рубежам.

Война разделила абхазское население. Часть его осталась в оккупированных районах Абхазии. Семьи часто оказывались разделенными. Мать Искала своих детей, дети — родителей, бабушки — внуков. И единственным связующим звеном для таких семей стало Абхазское радио. Непосредственно эту ношу взяла на себя корреспондент Людмила Цобехиа, которая до войны работала в Министерстве просвещения Абхазии и как нештатный корреспондент стала вести на радио рубрику «Школа и жизнь». Во время войны она вела передачу «Агэфа» («Надежда») Благодаря этой передаче люди узнавали друг о друге — кто где находится.

Рубрика «Агэфа» помогала людям надеяться, что они сумеют выжить в этой страшной войне. Рубрика стала мостом между потерявшимися людьми, семьями. Каждый. кто потерял своего близкого, постоянно слушал Абхазское радио с надеждой — если не сегодня, то завтра я услышу о своих близких… Но Абхазское радио доносило до них не только радостные вести, но и трагические, ведь шла война, а война без жертв не бывает. И горькая правда была тоже необходима людям.

Поскольку в Сухуме осталось немало абхазов, для них готовились специальные передачи. В адрес Абхазского радио приходило немало корреспонденций из Сухума, в которых давался резкий отпор лживой информации, исходящей из грузинских источников.

В этом отношении особо отличались радиопередачи, подготовленные ученым, почетным академиком строительного комплекса Российской Федерации Олегом Шамба и Константином Гулиа.

Аналитические статьи, подготовленные Олегом Шамба и другими корреспондентами русской радио редакции — Риммой Медиа, Дауром Начкебкя, Дауром Зантариа, передавались обычно

в эфир в чтении актера. во время войны работавшего диктором Абхазского радио Владимира Никонова. Позже Никонов сам стал автором и редактором.

Так как мощность Абхазского радио усилиями техников была уже достаточно большой, то его голос доходил не только до республик бывшего СССР, но и в дальнее зарубежье, почти во все страны мира. Сообщений Абхазского радио ждали тысячи наших соотечественников за рубежом — в Турции и других странах ближнего Востока, Германии, Англии, США.

Для слушателей вне Республики Абхазия были созданы две специальные программы: «Голос Абхазии» и «Голос Родины». Главным их редактором был назначен профессиональный журналист, до войны работавший корреспондентом Абхазского телевидения, Гарри Дбар. В программе «Голос Абхазии» в эфир выходила корреспондент Светлана Корсая, по профессии — искусствовед. Редактором и ведущей программы «Голос Родины» была Алина Ачба.

С первого дня выхода в эфир Абхазского радио уже в Гудауте, откуда велось вещание во время войны, мной велась передача «Дорогами героев». В ней раскрывались образы людей, которые, совершив свой нелегкий, жертвенный путь, позволили сохраниться абхазскому народу и навеки остаться в сердцах потомков, в памяти своей нации.

Когда работники Абхазского телевидения покинули Сухум, первоочередной задачей для технических служб АГТРК стала организация телевидения по временной схеме из Гудауты. В течение трех дней наши техники организовали это телевещание. Базой для него стало полукоммерческое телевидение «Гэнекс», существовавшее там до войны. У его работников была передающая станция, хотя и небольшой мощности.

Несмотря на то, что Владимир Зантариа тогда являлся депутатом Верховного Совета РА и у него было очень много работы, правительство Абхазии посчитало нужным назначить его первым заместителем председателя Гостелерадиокомпании. Председателем оставался Шамиль Пилиа, его замом — Юрий Кутарба, а директором студии телевидения был Руслан Хашиг.

Перебоев в работе Абхазского телевидения за весь период войны не было, оно аккуратно выходило в эфир в назначенное время. Если случалось опоздание хотя бы на пару минут, телезрители начинали волноваться — значит наверное, что–то нехорошее случилось. Ведь тогда всего можно было ожидать Но как только в эфире звучали знакомые позывные, люди успокаивались. Единственным, что нарушало работу телевидения, были отключения электричества Другой причины невыхода в

эфир не существовало. Если же случалось какое–либо повреждение, то технические работники всегда были наготове и очень быстро его устраняли. Им помогало и население — кто чем мог. Все считали своим общим делом обеспечить выход Абхазского телевидения в эфир.

В зону боевых действий часто выезжали корреспонденты телевидения Эмма Ходжаа, Вячеслав Саканиа, Даур Инапшба, Энвер Ардженаа, операторы Мизан Помпа, Ахра Акаба, Гарри Аристаа, Астамур Садзба, Виталий Кецба, Роберт Ломиа и водитель Геннадий Смыр.

Работа телевизионщиков часто была связана с риском для жизни. Во время перелета из Гудауты на Восточный фронт три сотрудника телевидения — режиссер Амиран Гамгиа, корреспондент Вячеслав Саканиа и оператор Ахра Акаба попали в плен к врагам, которые, нарушив все нормы международного гуманитарного права, подвергли их побоям и издевательствам. Лишь после усилий со стороны правительства Абхазии они были обменены на грузинских военнопленных.

Сотрудники телевидения Кристиан Бжания, Зураб Аргун, Георгий Гулиа, директор студии Руслан Хашиг, помимо своей основной работы, активно работали на зарубежные СМИ.

Новости обычно вела диктор Эмма Адлейба, которая с большими трудностями выбралась с Восточного фронта и, не смотря на беременность, продолжала работать в условиях войны. Совмещал свои основные обязанности редактора информационного отдела с работой диктора журналист Отар Лакрба.

Ирина Хагба помогала военным корреспондентам, расшифровывая на бумаге каждый кадр на видеокассете, который потом становился золотым фондом Абхазского телевидения.

На долю режиссера Олега Ахмед–оглы выпало монтировать по меньшей мере 5 перегонов в день. Этот человек, едва проснувшись, садился за монтажный стол и часто здесь же и засыпал. Когда он уже не стал выдерживать такой объем работы, научилась монтировать режиссер Заира Бигуаа В основном они вдвоем монтировали весь эфир Абхазского телевидения. А монтажеры Астамур Садзба, Руслан Цвизба, Ричард Чкадуа пошли на фронт. Затем к монтажу подключилась Людмила Бутба.

Всю техническое обеспечение Абхазского телевидения взяли на себя начальник радиотелецентра Леонид Агрба, главный инженер Даур Корсая, начальник цеха телевидения Даур Киут, начальник материально-технического снабжения Руслан Кация, инженеры Геннадий Смыр, Руслан Хаджимба, Дмитрий Авидзбз, Даур Кучубериа, Джамбул Джопуа, Илья Гуния, Аслан Адлейба.

А чуть позже Дмитрий Авидзба, Даур Кучубериа, Джамбул Джопуа, Илья Гуния, Валерий Ажиба, Эдуард Аршба, Астамур Джения пошли воевать.

Министерством обороны РА звукорежиссер Людмила Хагба была направлена на Гумистинский фронт начальником корреспондентского пункта В последние месяцы войны записалась санинструктором корреспондент Абхазского телевидения Элеонора Когониа.

Еще до войны Валерием Куараскуа и начальникам цеха участка радиовещания Темуром Кучуберия была создана телевизионная фирма «Атана где была лучшая телевизионная аппаратура. Темур Кучуберия непосредственно занялся подготовкой передач на этой аппаратуре-в основном для русских новостей Абхазского телевидения.

Военный корреспондент старается описать бой глазами солдата. Для этого ему мало просто поговорить с участниками боя. Надо самому быть на его месте, самому хлебнуть горького воздуха атаки — только тогда на кончик пера придут настоящие слова, искренние чувства и верные образы.

Военный корреспондент Эмма Ходжаа награждена медалью «За отвагу»

Вести регулярные видеозаписи на передовой, невзирая на все лишения и трудности военной жизни, стремилась хрупкая, но смелая Эмма Ходжаа. Каждый день она со своими операторами Мизаном Ломиа и Гариком Аристава старалась фиксировать на видеопленку эпизоды бесстрашного сопротивления врагу.

Репортажи из госпиталя в основном вели журналисты Фатима Кутелиа и Отар Лакрба.

Российские тележурналисты, которые, рискуя своей жизнью, работали во время войны в Абхазии, оставили бесценные кадры хроники войны. Это были Сергей Шатунов, Сергей Покрышкин, Владимир Лусканов, Александр Шкирандо, Александр Бархатов, Вадим Фефилов, Андрей Боженко, Светлана Беклемищева из Москвы, Юсуф Гукетлов из Кабардино–Балкарии и многие другие.

С течением времени в эфире Абхазского телевидения изредка, но все же стали появляться, кроме информационных, материалы художественно–публицистического жанра, которые тоже освещали подвиги защитников Алены. В основном телеочерки посвящались героически погибшим воинам. Над этой тематикой работали Тина Корсая, Рада Аргун, Заира Бигуаа и другие.

Быть автором и ведущей тематических передач о добровольческом движении на Абхазском телевидении штаб Конфедерации народов Кавказа поручил Ирине Агрба, кандидату исторических наук, доцент АГУ. Ее программа «Вместе — через беду» пользовалась большой популярностью.

Время от времени корреспонденты Абхазского телевидения бывали и на Восточном фронте. Их съемки представляли особую ценность. Но, к сожалению, их перелеты из Гудауты через оккупированную зону были слишком рискованными и не так часто удавались.

Среди тех кто, рискуя жизнью, перелетали на вертолете на Восточный фронт, были журналист Даур Инапшба с оператором Робертом Ломиа. Бесценными были их кадры на позициях Ануаа–рху, лица бесстрашных воинов Даура, Зазы, Степана Зантариа, Аслана Камкиа и многих других.

Военный корреспондент Даур Инапшба награжден медалью «За отвагу»

Архив Абхазского телевидения пополняли своими кадрами на Восточном фронте также Вячеслав Саканиа, Руслан Хашиг и автор этих строк.

Когда мы говорим о видеосъемках с Восточного фронта, особо следует выделить работу двух сотрудников Абхазского телевидения, работавших там с начала и до конца войны — это режиссер–оператор Анатолий Шониа и оператор Рамин Каджая. Видеосъемки без монтажа присылали вертолетом в Гудауту, где работники Абхазского телевидения монтировали их уже без участия авторов.

Наиболее страшные кадры с Восточного фронта дирекция телестудии «придерживала» до определенного времени, а некоторые из них и до конца войны ни разу не появились в эфире. Абхазское телевидение не ставило своей целью пугать людей, вызывать ненависть ко всему грузинскому народу.

Кадры Латской трагедии 14 декабря 1992 года, когда был сбит вертолет с беженцами, на которых были сожженные тела, Абхазское телевидение показало только общим планом. А крупные планы этих кадров не появились в эфире и до конца войны. Да и после войны 70% этих кадров оставлены только в архиве без права показа в эфире.

Уже через неделю после начала войны на базе гудаутской районной типографии был налажен выпуск республиканских газет «Апсны» (на абхазском языке) и «Республика Абхазия» (на русском).

На линии фронта нередко можно было видеть редактора газеты «Апсны» Бориса Тужба. Его репортажи с передовой часто появлялись на страницах газеты. В качестве военного корреспондента работал и сотрудник газеты Вахтанг Апхазоу.

Много лет проработавший в газете «Апсны» журналист Владимир Капба, после того, как у него на войне пропал единственный сын, сменил свое перо на оружие и пошел защищать Родину.

В течение 20 лет до войны редактором газеты «Апсны» являлся Сергей Квициниа. В первые же дни войны в бою погиб его единственный сын. Сергей Михайлович оставался на оккупированной территории Восточного фронта. Несмотря на свое горе, он продолжал писать, вел дневник, ставший затем основой его книги Также многие годы работавший заведующим отделом редакции «Апсны» Аксент Зантариа тоже потерял сына Астамура, пропавшего без вести, а старший сын Темур лишился ноги.

С первых дней и до конца войны спасали раненых две технические сотрудницы газеты, ставшие санинструкторами — Ламара Чамагуа и Зинаида Кове. Обе награждены орденом Леона.

С Восточного фронта свои корреспонденции присылали в Гудауту корреспонденты газеты «Апсны» Валерий Амаршан, Сергей Гындиа, Геннадий Чолариа. Позже Геннадий Чолариа с оружием в руках встал на защиту Родины.

Газета «Республика Абхазия» сперва выходила на двух полосах уменьшенного формата раз в неделю, затем увеличила свой объем до четырех полос, стала выходить дважды в неделю. Ее редактировал Виталий Чамагуа. В газете часто печатались репортажи с передовой и публицистические статьи зам. редактора Виталия Шария и зав. отделом Заиры Цвижба. Позже ряды сотрудников редакции пополнил Владимир Цвижба.

Следует отметить, что для издания этих газет многое сделала редакция и типография гудаутской районной газеты «Бзыбь». И сама эта газета тоже выходила в свет. Редактором был писатель и публицист Анатолий Возба. Регулярно выступали на страницах этой газеты журналисты Лаврент Губаз и Руслан Анкваб. Они оба несли основную нагрузку издания районной газеты «Бзыбь».

После освобождения Гагры там было возобновлено издания городской газеты «Гагра» (редактор Ольга Пилиа). В Гггре также стал выходить дайджест зарубежных газет «Все об Абхазии».

Несколько номеров газеты «Абжуаа» вышли на Восточном фронте, а затем в гудаутской типографии.

Спустя несколько месяцев после начала войны в Абхазии стали издаваться газеты Конфедерация» (орган штаба КНК, редактор Людмила Аргун), «За наше отечество» (орган Министерства обороны РА, редактор Терент Чаниа).

Ожесточенная информационная война между Грузией и Абхазией велась в те месяцы в зарубежных, прежде всего российских СМИ. Кроме упомянутых выше сотрудников АГТРК, информации и репортажей которых постоянно появлялись новостных программах первого и второго каналов российского телевидения, многие журналисты сотрудничали с зарубежными информационными агентствами.

Активно работали для того, чтобы донести правду о происходящем до российской общественности депутаты Верховного Совета Республики Абхазии Юрий Воронов и Зураб Ачба В газете «Литературная Россия» публиковались выступления народного поэта Абхазии Баграта Шинкуба, известного абхазского писателя и публициста Джумы Ахуба. Со страниц «Литературной газеты», в которой когда–то работал его отец, рассказывал о войне Георгий Гулиа. В той же газете, а также в «Правде», «Известиях», журналах «Юность», «Огонек», «Журналист» не раз публиковал корреспонденции, статьи и очерки о справедливой борьбе народа Абхазии Виталии Шария. В газете «Экспресс–хроника» часто выступала Изида Чаниа.

Наши журналисты и литераторы чувствовали потребность и в крупных формах пропаганды Так, в Москве была подготовлена «Белая книга Абхазии», главную роль в издании которой сыграл профессор Юрий Воронов. В сочинской типографии шла работа над изданием подготовленной Виталием Шария книги «Абхазская трагедия». Но оба эти сборника увидели свет уже только в начале 1994 г. А вот ряд небольших публицистических, исторических и поэтических книг был издан Ассоциацией «Интеллигенция Абхазии», которой руководил Джума Ахуба, в Гагрской типографии еще во время войны.

Наконец, нельзя не сказать о работе пресс–центра Верховного Совета РА, который в месяцы войны стал подлинным штабом, координировавшим работу абхазских журналистов и помогавшим в работе журналистам из–за рубежа.

Большую роль в его организации и работе в разное время сыграли Нателла Акаба, Гурам Амкуаб, Аида Ладария, Изида Чаниа, Кристиан Бжания. Рита Ачба, Валентина Кудришева, Людмила Джинджолиа, Саида Бигвава и другие.

Абхазия победила. И мы с гордостью можем сказать, что в эту

победу достойный вклад внесли и журналисты Абхазии, с честью выполнившие свой долг перед народом и Родиной.

Прорваться за грань

Бардодым Александр Викторович 16.10.1966 - 10.09.1992

Среди добровольцев, приехавших из России помогать Абхазии в ее справедливой борьбе, был поэт и публицист Александр Бардодым.

Я впервые его увидела в Гудауте в пресс–центре Верховного Совета РА Он передавал по телефону в Москву в корпукнкт на радиостанции Би–би–си информацию, рассказывающую о боевых действиях в Абхазии В пресс–центре все уже его знали, приветливо здоровались с ним, и он отвечал тем же.

Александр Бардодым выглядел очень мужественно в военной форме. У него была небольшая бородка, на боку висел военный планшет.

Закончив передачу информации, Александр подошел к пресс–секретарю Аиде Ладария и попросил снова соединить его с Москвой, чтобы поговорить с родителями. Аида сразу же заказала Москву. Разговор его с матерью был очень коротким. Он произнес всего несколько слов. Положил трубку, на несколько мгновений задумался, затем быстро встал и вышел из пресс-центра.

Александр Бардодым узнал Абхазию и подружился с абхазами, учась в Московском Литературном институте, в группе переводчиков с абхазского языка на русский. Александр начал изучать абхазский язык. Он много раз бывал в Абхазии, познавал страну, ее народные песни, образ жизни абхазов.

15 августа 1992 года, на второй день войны, он вылетел из Москвы в Грозный, а оттуда вместе с группой Шамиля Басаева через горные перевалы добрался до Абхазии.

В те дни появилось его знаменитое стихотворение «Песня команды Шамиля Басаева»:

Над Грозным–городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал.

В страну, где зверствуют бандиты,
Горит свободная земля,
Приходят мстители–джигиты
Тропой Мансура, Шамиля…

Александр успевал писать стихи и корреспонденции, статьи, постоянно передавал информацию на радиостанцию Би–би–си. А после пересменки на боевом посту приезжал в Новый Афон. Он очень любил этот город, ему нравилось с высоты гор смотреть на голубое море Его излюбленным местом был Новоафонский монастырь.

Александр Бардодым погиб в Абхазии и похоронен в Новом Афоне. Его «судьба не сберегла». Он словно предчувствовал это:

Помянем тех, кто были с нами,
Кого судьба не сберегла.
Их души тают над горами,
Как след орлиного крыла.[4]

Эти его строчки были положены на музыку — чеченским бардом Имамом Алимсултановым и исполненные им под гитару, [5] стали гимном добровольцев.

«…Эта песня звучит в каждой клеточке моего тела, и

мертвого она не может оставить равнодушным Песня эта стала гимном абхазской войны и вечным звучащим памятником и для самого Александра Бардодыма, и для всех достойных защитников Апсны…». [6]

Погиб, выполняя профессиональный долг

Гогуа Даур Григорьевич 7.01.1962 – 27.09.1992

Тому, чтобы в блокадном Ткуарчале связь и средства массовой информации имели возможность работать, чтобы в городе было электричество, целиком отдавал себя начальник Ткуарчальского узла связи Даур Гогуа. Не раз он, рискуя жизнью, выезжал на места повреждения линий связи и электролиний и производил ремонт. Благодаря нему город еще имел электроэнергию и телефонную связь. Но наступил день, когда не стало ни того, ни другого. А вслед за этим не стало и Даура…

Даур Гогуа родился и вырос в селе Гуп Очамчырского района. Его отец Гриша более 50 лет работал бухгалтером в родном селе, где пользовался большим авторитетом.

После окончания Гупской средней школы Даур поступил в Тбилисский политехнический институт на факультет связи. Окончив вуз, некоторое время работал начальником узла связи в Очамчыре, затем был переведен инженером связи в Ткуарчал. Он проявил себя хорошим специалистом и поэтому вскоре был назначен начальником узла связи Ткуарчала.

На работе пользовался всеобщим уважением, был хорошим

товарищем. Женился на милой девушке Марине Андреевне Гуниа, жили они душа в душу. В семье царили взаимопонимание, уважение. Всем на радость рос у них сын Аслан. Но в эту счастливую жизнь вошла война.

В это трудное время Даур ни на минуту не оставлял свою работу. В результате вражеских бомбежек линии электропередач и связи часто получали повреждения. На их восстановление Даур не мог посылать рабочих. Он говорил: «Я их пошлю, а вдруг с ними. что–нибудь случится, ведь это война. Я себе не прощу этого, лучше я сам пойду». И он неоднократно выезжал и шел ремонтировать поврежденные участки, хотя это был большой риск. Ведь приходилось бывать и на оккупированной территории.

В тот роковой день, когда Даур в очередной раз собрался идти ремонтировать линию, сотрудники Ткуарчальской администрации, словно чувствуя плохое, просили его остаться. Все знали, что там, куда он пойдет, бесчинствовал враг. Но уже два дня в Ткуарчале не было связи и света. Город не имел никакой информации, связи с Гудаутой, люди не знали, что происходит вокруг. И Даур снова пошел на риск. На всякий случай он взял с собой знакомого по фамилий Дадиани, знавшего грузинский язык От Ткуарчала до села Акуаска друзья привезли их на машине, затем нужно было идти пешком, во многих местах ползти, чтобы их не заметил враг. Поврежденное место находилось между селом Баслаху и городом Очамчырой Они подошли к этому месту. Даур сам поднялся на столб и начал соединять линию. Тут же подошла живущая неподалеку русская женщина и предупредила, что оккупанты расположили поблизости свой штаб и поэтому здесь очень опасно. Но Даур решил докончить свое дело И в момент, когда он все сделал и уже спускался со столба, враги его окружили. Среди них были и знакомые Дауру грузины. Они сказали своим, что Даур — один из лучших абхазских специалистов. Посовещавшись несколько минут, оккупанты решили убить начальника связи, причем так, чтобы это видело местное население. Даура привязали к борту грузовой машины и поволокли по селу Баслаху. Весть об этом убийстве молнией разнеслась по всему Восточному фронту, и все еще раз убедились, что враг беспощаден, он жаждет крови Будущие поколения должны запомнить этот факт — как поступили с человеком, который имел в руках только инструменты для устранения повреждения на электролинии, а не оружие. И каждый скажет, что так могли поступить только люди безбожные и со звериным сердцем.

Первая жертва

Кварчелиа Анзор Милтонович 09.10.1956 – 02.10.1992

Из работников Абхазского телевидения первой жертвой войны стал Анзор Кварчелиа.

Анзор Милтонович родился и окончил среднюю школу в селе Ачандара Гудаутского района Затем учился в Сухумском художественном училище Со дня основания Абхазского телевидения Анзор Кварчелиа работал там оператором.

Все журналисты с удовольствием работали с Анзором Он не любил поспешности, никогда не нервничал, был немногословен. Свое дело доводил до конца, не любил оставлять съемки на полпути или откладывать их на потом. После съемок сразу начинал работать над ними.

Анзор проявил себя ищущим профессиональным оператором Он работал на Северном Кавказе, в Мос кве за рубежом Его кадры были жизненными, надолго оставались в памяти телезрителей.

Анзор был строго воспитан в абхазских традициях В присутствии отца он ни разу не закурил, ни разу не взял на руки своих детей если рядом были старшие Еще когда мы, его коллеги, приезжали вместе с Анзо ром к нему домой в Ачандару, из

рассказов его соседей помню один такой эпизод Как–то в кбмнате перед камином сидели Милтон со своим отцом Литом Вдруг маленький Анзор упал в огонь. Но его отец Милтон не решился выхватить сына из огня, так как в абхазских семьях не принято в присутствии старших брать своего ребенка на руки. К счастью, дедушка Лит вскочил с места и спас внука.

Дедушка Лит играл на национальном музыкальном инструменте апхьарце Он был участником художественного ансамбля долгожителей «Нартаа».

Уважение национальных традиций, любовь к искусству, народному творчеству не могли не перейти и к Анзору.

Как и отец, Анзор тоже любил принимать гостей, был очень хлебосольным А в застолье был веселым, общительным.

Возможно, именно эти особенности его воспитания и характер были причиной того, что он любил снимать жизнь и быт крестьян. Снимал домашних животных, которых очень любил. Как–то решил создать телеочерк о лошади, собирал для этого видеоматериалы.

Во время войны Анзор не терял ни минуты, как будто чувствовал, что ему суждено недолго жить. Не зная отдыха, снимал хронику войны Его кадры стали знаменитыми не только в Абхазии, но далеко за ее пределами.

В творческую группу, где снимал Анзор Кварчелиа входили Вячеслав Саканиа, Нодар Сагариа, Астамур Садзба, Геннадий Смыр. Они были все вместе, когда вражеская пуля сразила Анзора. Видеокамеру из его рук подхватил Астамур Садзба и продолжил работу Анзора.

Когда мы вспоминаем видеокадры при освобождении Гагры, прежде всего перед глазами встает кадр, где отражена печальная картина — лежит сраженный пулей Анзор с полуоткрытыми глазами, бледный как полотно. А Слава сидит над телом погибшего друга.

Журналист Вячеслав Саканиа над телом погибшего оператора Анзора Кварчелиа (из видеоархива Абхазского телевидения)

В моем личном архиве хранится аудиокассета № 234, где записаны выступления друзей и близких Анзора Кварчелиа на траурном митинге Одним из выступивших на митинге был директор студии Абхазского телевидения Руслан Хашиг Он сказал: «Через несколько дней нашему другу, коллеге, с кем мы сегодня прощаемся, исполнилось бы 36 лет. Если бы не война, наш друг, как всегда улыбающийся, стоял бы с нами, работал бы среди нас. Из 36 лет, прожитых Анзором Кварчелиа, 14 лет были отданы Абхазскому телевидению. За этот период он смог себя проявить как профессиональный оператор. Мог бы еще своим мастерством порадовать телезрителей Абхазии, но война оборвала его жизнь. Он погиб стоя, держа в руках свою видеокамеру, погиб, выполняя свой профессиональный долг.. Такие люди не умирают, они живут вместе с народом, за который отдали жизни.

За красавицу Гагру

Брандзия Лаврентий Давидович 8.07.1962 – 2.10.1332 г.

Отгремели последние залпы боев в Гагре. Жизнь понемногу входила в мирное русло. Лишь изрешеченные пулями и снарядами здания напоминали о кровопролитных недавних боях. И щемящая душу боль по тем, кто ценой собственной жизни отвоевал пядь за пядью эту благодатную землю.

Ожесточенные бои шли в Гагре едва ли не за каждую улицу, каждый дом. Одна из огневых точек противника разместилась в здании редакции газеты «Гагра». Но сейчас здесь сидел снайпер, беспощадно расстреливая в упор народных мстителей из группы старшего лейтенанта Лаврентия Брандзия.

Шквальный огонь не позволял бойцам продвинуться вперед. «Надо что–то предпринять», — думал молодой лейтенант. Но он знал, что силы неравные, патронов оставалось лишь на несколько выстрелов. Послав бойца за подкреплением, он принял дерзкое решение Его группа должна была пойти в обход и окружить захватчика, а себе он отвел самую рискованную роль. Чтобы выиграть время, лейтенант должен был сделать вид, будто идет на переговоры. Боец Хишба вызвался идти с ним Лаврентий

пополз к жилому дому. Через несколько минут он вышел оттуда с грузином, взятым в заложники. Заложник, держа в руках белую простыню, передал своим, чтоб те не стреляли и вышли на «переговоры» Пулемет замолк, обе стороны, затаив дыхание, ждали развязки.

Брандзия и Хишба с заложником стояли у всех на виду. Пуля могла сразить их в любой момент. «Сдаетесь, гады?!» — злорадно крикнул один из грузинских фашистов. На что отважный боец ответил: «Если ты мужчина выходи на переговоры». Последовало молчание. Но Лаврентий уже увидел, что наши бойцы бесшумно окружают это волчье логове.

И вдруг он отчетливо понял: его могут убить в любую секунду. На миг перед его глазами встали дети: восьмилетний Роланд и пятилетний Аляс. Он вспомнил нежный голос жены Лидии Бганба: «Держись, мы все ждем тебя».

Лаврентий и Валерий еще были детьми, когда потеряли отца. Очень много трудностей перенесла в своей жизни мать — Вера Багателиа–Брандзия. Она была участницей Великой Отечественной войны. Совсем девочкой, еще ученицей седьмого класса отхарской средней школы Вера добровольно ушла на фронт. Вместе с ней воевали и другие абхазские девушки: Евгения Гарцкия, Фрося Чанба, Тамара Рабая, Оля Арнаут, Тамара Агрба.

— Из наших девушек мы особо любили Веру, — рассказывала мне Тамара Агрба. — Она была красавица, высокая, стройная, тоненькая, с красивыми длинными волосами. У Веры был веселый характер — как бы тяжело ни было, она всегда веселила нас, поднимала дух. Она любила петь и плясать. На войне Вера спасла тысячи раненых. С войны она вернулась награжденной орденами и медалями…

— Но словно мало было ей пережитого во время войны — в расцвете лет пришло к ней еще одно горе. Вера вышла замуж, родила двух сыновей, но они были еще маленькими, когда скоропостижно скончался ее муж. Горькой была вдовья доля — одной воспитывать сыновей, ставить их на ноги, дать им образование. Но как бы тяжело ни было, Вера, как всегда, не опускала рук, не падала духом. Она сумела достойно воспитать своих мальчиков.

Один из сыновей — Лаврентий после окончания школы поступил в морское училище в городе Таллинне, но состояние здоровья заставило его вернуться в Абхазию, не закончив училище.

Здесь Лаврентий увлекся техникой и начал работать в Сухуме телемастером. Затем он окончил радиотехническое училище. Он делал большие успехи в работе, проявил себя очень талантливым

мастером и знатоком электроники. За недолгое время он мог исправить сложную аппаратуру японского производства. Когда руководство Абхазского телевидения увидело талантливого техника, его пригласили на работу. И здесь за короткое время он смог проявить себя умелым техником телеаппаратуры.

После создания б Абхазии полка внутренних войск по просьбе Народного форума «Айдгылара» Лаврентия пригласили наладить связь. Задание он выполнил блестяще быстро но из полка не ушел. Стал в нем служить и заодно руководил всей связью. Он был связистом и не раз проявлял мужество и высокий профессионализм.

Первый бой Лаврентий и его друзья приняли 14 августа на территории санатория МВО в Сухуме, затем у ресторана «Рица».

Лаврентий всегда был там, где опасно и трудно.

Об одной из боевых операций рассказывает его друг Гарик Парцхалия: «Лаврентий Брандзия, Ахра Кварчелиа, Ахра Джопуа, Рома Лакоба и я в районе вокзала взяли в заложники пять вооруженных грузин. Отобрали у них 4 автомата и 3 пистолета, а пленников сдали в штаб».

С болью в сердце Лаврентий вспомнил своего брата–близнеца Валерия. Валерий был убит в одном из боев в селе Эшера. После гибели брата Лаврентий ушел из связи на передовую, в команду Мушни Хварикия. Спустя немного времени он был назначен заместителем командира и повышен в звании. Когда на Эшерском фронте было объявлено перемирие, он попросился на Бзыбский, где началось наступление. С группой добровольцев он присоединился к отряду Шамиля и вел бой в районе с. Колхида.

Пулемет застрочил неожиданно. Грузин–заложник и два бойца упали одновременно. Хишба был ранен в руку и сумел ползком выбраться из огневого кольца. Лаврентию же пуля пробила ногу. Никто не мог пробиться к нему сквозь непрекращающийся шквал смертельного огня. Лаврентий продолжал лежать, истекая кровью. И перед его глазами вновь встал образ брата-близнеца. Почти теряя сознание, он вспомнил — «Ведь сегодня поминают моего брата, прошло 40 дней, как он погиб, а я и не успел зажечь свечу, как полагается Бедная моя мать, она и не подозревает о его гибели. И если еще со мной будет худо, то ей незачем жить…»

Лаврентий лежал в собственной крови. Никто не мог помочь ему подняться. Пули свистели со всех сторон.

Спустя два часа после ранения врач Эмма Моисеевна Руцкая, живущая рядом с редакцией, сумела затащить Лаврентия к себе домой и связалась с санчастью. Она и рассказала нам о его мужестве Единственное, о чем он просил, это не дать ему

умереть, потому что у него остаются маленькие дети, которых надо ставить на ноги.

Лаврентия можно было бы спасти, но он, стиснув зубы превозмогал боль, пока всем раненым не оказали помощь. А когда взялись за него, было уже поздно.

«Я хотел бы дожить до Победы…» — это были последние слова Лаврентия Брандзия.

Такова судьба братьев–близнецов Брандзия. Не суждено было Вере видеть своих сыновей счастливыми, слишком коротка и трагична была их жизнь.

ДАДИ

Давно я хотела рассказать об. этом человеке, которого хорошо знала. Но столь трагической была его судьба, такую страшную смерть довелось ему принять, что я никак не решалась подступить к этой теме.

Гварамия Автандил Шаликович 15.11.1963 – 26,10.1992

Автандила я знала по совместной работе в Комитете по телевидению и радиовещанию Абхазии. Он был главным экономистом. Внешность у него была очень заметная–высокий, смуглый, черноволосый, красивый. А по характеру — скромный, немногословный, доброжелательный. Неудивительно, что в коллективе его быстро полюбили, он как–то сразу стал своим, близким.

Автандил, или, как его обычно называли, Дади, родился в Ткуарчале 15 ноября 1963 года в семье шахтера, Его отец погиб в результате взрыва газа в шахте, когда Дади было 12 лет.

В 1981 году Дади окончил ткуарчальскую 5-ю среднюю школу имени Алексея Аршба В школе он увлекался спортом, имел первый разряд по вольной борьбе, окончил курсы

радиолюбителей. Вот выдержка из его школьной характеристики: «В классе его очень любят, дружен с ребятами. Надежный и верный, ради друга не пощадит себя». Именно таким остался он и в воспоминаниях друзей. Один из них, Авто Чкадуа, рассказывал «Однажды в Сухуме Дади увидел, как пятеро пьяных хулиганов избивали человека. Несмотря на то, что у них было оружие, он, рискуя жизнью, бросился на помощь и отбил у хулиганов их жертву, спас человеку жизнь» Подобные случаи вспоминали и другие его друзья — Беслан Гуния, Беслан Багателия. «Он всегда заступался за слабого, боролся за справедливость, высоко ценил мужскую честь, из–за чего не раз стрг ■, сам. А если ему говорили, зачем, мол, тебе лишние неприятности. он отвечал: ничего не могу с собой поделать, уж таким я родился», — рассказывали они.

Несколько забегая вперед, скажу, что и во время войны был у него такой случай, когда он, подвергая опасности свою жизнь, сумел вывезти из оккупированного Сухума семью своего однокурсника Есмелия — двоих женщин и троих детей. Кстати, именно Дади в свое время познакомил эту будущую семейную пару и был свидетелем на их свадьбе.

Окончив школу, Дади до ухода в армию работал на почте в Ткуарчале, а с 1982 по 1985 год проходил службу на Черноморском флоте, где приобрел специальность гидроакустика. И в армейской характеристике отмечались его скромность, сдержанность, корректность в отношениях с людьми. После демобилизации у Дади были большие планы — он готовил документы на загранплавание, прошел комиссию для поступления в институт гражданской авиации, но сложилось так, что он остался в родном городе Здесь Дади работал в камнерезном цехе.

В 1986 году Автандил поступил на экономический факультет Абхазского государственного университета. В студенческие годы он активно участвовал в борьбе абхазов за свои права, за что неоднократно подвергался преследованиям со стороны грузинских националистов.

В 1990 году, после окончания университета, Дади пришел в наш комитет, а потом, с января 1992-го, работал при кооперативе «Абхазстрой», который строил кирпичные заводы в Ткуарчале и Гагре.

Вместе с братом Мурманом они снимали комнату в Сухуме, в районе Красного моста, и в первые же минуты войны один из выстрелов вражеского орудия пришелся по их дому, разрушив его. Братья не успели даже взять свои личные вещи и документы.

В рядах народного ополчения Дади в первые дни войны стоял

с пулеметом на охране здания Совмина, затем — телевышки, а когда госсоветовские войска заняли Сухум, около двух месяцев находился на боевых позициях в районе Нижней Эшеры, около спортбазы, где был командиром группы. С первых же боев рядом с ним был его друг детства Беслан Шакая.

На Гумистинском фронте Дади принимал участие во всех операциях, не раз совершал со своими боевымидрузьями вылазки в тыл врага. В одной из них ребята попали в окружение. Их уже считали погибшими, однако они сумели вырваться. Дади тогда под шквальным огнем вывел с поля боя раненого чеченца. И потом не раз навещал его в госпитале. Самому Дади попало тогда в бронежилет три пули Вскоре после этого я встретилась с ним на фронте и взяла у него интервью.

— Автандил, нам сказали, что ты погиб, а ты, оказывается. цел и невредим! Откуда этот слух?

— На фронте не надо верить слухам. Здесь часто бывают чудеса. Вот таким чудесным образом я остался жив. Была обычная ночная вылазка, правда, очень рискованная, потому что у нас не было оружия. Его надо было добывать любой ценой, может быть, потому мы и поступали иногда неосмотрительно. Буквально теряли голову, лишь бы добыть трофейное оружие. Но что говорить об этом — ведь все кончилось благополучно.

Автандил не стал вдаваться в подробности той ночной вылазки, которая едва не стоила ему жизни. Он говорил, что очень хочет попасть на Восточный фронт, поближе к родному Ткуарчалу, который находится в блокаде, где каждый день гибнут от бомбежек люди, среди которых, возможно, и его родные, друзья.

Рассказывал он и о таком случае. Когда группа стояла в Нижней Эшере, во время танкового прорыва нашим ополченцам была дана команда оставить позиции Но группа ей не подчинилась. Бойцы продолжали находиться у моста, когда на них двинулись вражеские танки Ополченцы вели бой против вражеской бронетехники, как могли. В основном они прибегали к противотанковым минам, перетаскивая их из–за их нехватки с одного места на другое.

А однажды во время вылазки Дади с друзьями смогли взять в плен двоих грузин, подозреваемых в разведке. Дади сказал так об этом случае: Раньше я многих грузин считал своими друзьями и приветствовал их, поднимая ладонь Теперь же моя ладонь превратилась в кулак но я все равно не могу поднимать его против безоружного, даже если это мой враг» В этом — весь Дади.

Когда он погиб, при вскрытии его самодельного медальона, сделанного из автоматного патрона, нашли удостоверение,

выданное ему в Сухуме штабом народного ополчения, на обратной стороне которого было написано: «За процветание моей, Богом данной, горячо любимой многострадальной Родины–матери Апсны буду драться до конца! Лучше смерть, чем жизнь на коленях! Другого пути нет! Оккупантам, наемникам и марионеткам — смерть, смерть, смерть!!!

Гварамия Авто (Дади), из окопа, Нижняя Эшера, 19 августа 1992 г».

Но погибнуть ему суждено было не здесь...

В конце сентября Дади удалось исполнить свое желание — попасть на Восточный фронт. Когда он прилетел из Гудауты, мать попросила его хоть несколько дней побыть дома, отдохнуть.

— Дай хоть толком разглядеть тебя, да бороду сбрей. Побереги себя немного, вспомни, как ты чудом вышел из окружения, — говорила она, на что Дади отвечал:

— Мать, если каждый будет сидеть дома, кто же вас будет защищать? Как же я посмотрю людям в глаза? А бороду сбрею в день Победы, сразу помолодею и женюсь!

Группа, в которой был Дади, ходила на помощь защитникам сел Река, Пакуаш, Баслаху, Мыку, Кутол. Совместно с известной группой «Деда» — Бориса Пачулия они совершали диверсии, уничтожали патрули оккупантов на центральной трассе, в районе Гала села Охурей.

26 октября 1992 года Автандил участвовал в штурме Очамчыры После операции он вместе с тридцатью пятью другими ополченцами возвращался в расположение своей группы возле села Ачигвара. Ехали они на машине техпомощи марки ГАЗ-53. Вдруг на Ведийском повороте машина попала в засаду. Враги открыли по ней ураганный огонь, и она загорелась От резкого торможения захлопнулась дверь, которая открывалась только снаружи, и находившиеся в горящей машине люди не могли выйти. Половина ополченцев уже были убиты или ранены — ведь пули насквозь пробивали корпус. Тогда Дади ногой и прикладом своего пулемета вышиб дверь и, стоя возле нее в полный рост, открыл пулеметный огонь по нападавшим Один из ополченцев, Аслан Джопуа, крикнул ему: «Дади, отойди от двери, я не вижу, куда стрелять!» Автандил выпрыгнул из машины, продолжая вести огонь, а за ним и Аслан, которого тут же настигла вражеская пуля В машине вместе с другими ранеными находились брат Автандила Мурман, близкие друзья Аркадий Абелов (он скончался от полученных ожогов) и Заур Харчилава, которого взяли в плен и добили в Гэльской больнице.

Дади приказал товарищам выходить из горящей и обстреливаемой машины, но многие уже не в состоянии были Это

сделать. В него уже попало несколько пуль, но он держался до тех пор, пока не получил тяжелое осколочное ранение в живот. Обессилев, он медленно падал около заднего колеса машины, но продолжал стрелять, хотя пули уже чиркали по асфальту, не достигая цели.

В это время оставшиеся в живых бойцы попытались отъехать, и при этом нечаянно придавили Автандила левым задним колесом Теряя сознание, он кричал им: «Вытащите меня, вытащите!» Друзья бросились к нему, но уже ничего не смогли сделать — вражеский огонь не прекращался, а у них были на исходе боеприпасы.

За время этой страшной схватки Автандил выпустил по бандитам три пулеметных магазина, чем дал возможность выйти из машины и спастись двенадцати абхазским бойцам.

Все раненые, в том числе и Автандил, были в упор расстреляны грузинскими молодчиками (как выяснилось, это были местные жители), после чего трупы забросили в горящую машину.

Машина с телами погибших оставалась на дороге до тех пор, пока наши ребята не приехали за своими мертвыми товарищами. При осмотре тела Автандила были обнаружены открытые двойные переломы левого предплечья и левой голени, сквозная рана правого голеностопного сустава, пулевой вход на правом плече, сквозное осколочное ранение левой стороны живота. Кроме того, у него обгорели все конечности.

Да, и смерть может быть разной. Наверное, страшнее той, что пришлась на долю Автандила Гварамия, трудно придумать.

«Ухожу с тревогой»

Делба Саида Бадровна 27.07.1965–30.11.1992 г.г.

Саида Бадровна Делба родилась в г. Ткуарчале. Закончила филологический факультет Абхазского госуниверситета по специальности «журналистика». Была моей студенткой. Одно время она перевелась на тот же факультет МГУ, но ее постоянно тянуло в Абхазию, ей было очень трудно без родных и друзей, и она вернулась в свой вуз.

Свою журналистскую деятельность Саида Делба начала в печатном органе Народного форума Абхазии — газете «Айдгылара». Ее статьи отличала страстность, емкость, краткость. Особенно удавались ей критические статьи. Она не могла мириться со злом, неправдой, несправедливостью.

Когда молодежь Гудаутского района решила издавать молодежную газету, Саиду попросили помочь в этом. Начала выходить новая газета «Аублаа», и Саида стала ее редактором По инициативе редакции началось движение за сохранение исторических памятников Абхазии. Были налажены тесные связи с зарубежными абхазами, с близкими абхазам народами Северного Кавказа. Статьи Саиды Делба пользовались популярностью не только у гудаутской молодежи, но и у молодежи Сухума, Очамчыры, Ткуарчала.

Саида не могла работать в кабинетной тиши. Она должна была всегда находиться в гуще событий. Так что вполне закономерно, что во время войны она со своим диктофоном и блокнотом вместе с партизанами Восточного фронта рвалась в бой. Писала свои корреспонденции во время затишья между боями, в окопах. Там рождались и ее новые стихи. Она побывала почти на всех опасных участках партизанского края. Когда надо было оказывать помощь раненым, делала и это. «Я не могу только писать. Я выполняю и эту гуманную миссию в неравной войне.» — писала она в одной из своих корреспонденций.

Стихотворение Саиды Делба «Ухожу с тревогой» впервые прозвучало в эфире Абхазского радио.

И горы в черном трауре,
Ушла я в мир иной.
Печалится,
Прощается

Абхазия со мной.

Так поэтесса и публицист, словно предвидя свою гибель, прощалась с любимой родиной, с друзьями.

Апсны моя, Апсны моя,
Заветный берег мой,
С великою кручиною
Прощаюсь я с тобой.

Саида Делба погибла в неравном бою с врагом, когда ей было 27 лет.

После ее гибели очень часто по радио звучали ее стихи, где она предчувствовала Победу, которую сама не увидит:

И жалко, что победе я
В глаза не погляжу.
Прощайте! Песня спетая,
С тревогой ухожу… [7]

Очень скоро это стихотворение прозвучало в эфире уже как песня.

АНДРЕЙ ОСТРОВСКИЙ

«Себя победить,
Пройти сквозь себя —
Вот главная из побед.»

/А Островский/

Островский Андрей Анатольевич 20.11.1958–30.11.1992

Быть там, где трудно, помочь тем, кто попал в беду и нуждается в помощи, всегда отстаивать справедливость — так можно кратко сформулировать жизненное и профессиональное кредо молодого талантливого журналиста и поэта Андрея Островского, имя которого вписано в священную Книгу памяти народа Абхазии девяностых годов двадцатого столетия.

Андрей Анатольевич Островский родился в Ленинграде 20 ноября 1958 года Получил высшее образование и стал профессиональным журналистом. Работал корреспондентом нижегородской молодежной газеты «Ленинская смена» и с первых своих публикаций обратил на себя внимание актуальностью тематики и живостью изложения материала В последнее время

работал в московской газете «Экспресс–хроника», в которой и печатались–тревожные материалы из Абхазии в период нашей освободительной войны.

Разъездная деятельность журналиста началась в декабре 1988 года в страдающей от сильнейшего стихийного бедствия Армении. Андрей — в эпицентре землетрясения, городе Спитаке. И здесь он не только журналист — он активно участвует в спасательных операциях и работах по ликвидации последствий страшной трагедии армянского народа. «За период нахождения в г. Спитак Андрей Анатольевич Островский проявил чувство высокого гражданского долга и интернационализма, работал, не считаясь со временем и трудностями…», сказано в документе, выданном журналисту во время его двухмесячной командировки.

Не успели затихнуть в душе и сердце журналиста волнения за беды армянского народа, как возникла другая томящая боль — Южная Осетия. Андрей едет в Цхинвал. Сохранилась исписанная убористым почерком тетрадь записей Андрея Островского о пребывании в Южной Осетии, где ярко прослеживается человеческая боль за чужое горе и стойкая гражданская позиция в оценке событий. Вот некоторые из них:

«30.09. г. Цхинвал (0.30). Гостиница «Алан». Третий день в городе, впечатление очень тяжелое… Город побит во время боев мая–июля сильно, хотя все же меньше, чем я ожидал… Вопреки всему я надеюсь, что мой народ, народ России, однажды поймет, что он по-прежнему остается в ответе за другие народы, связанные с ним единством общей судьбы и общей надежды на лучшее будущее. Быть может, тогда исхлестанный пулями Цхинвал сможет простить нас Простить, поняв, что нас, русских и осетин, разделила не ненависть, не смертная тень, не непонимание, а всего лишь временное и далеко незначительное чувство отстраненности…».

Следующая запись датируется десятью месяцами позже: «И вот снова дорога приводит меня в этот город, как десять месяцев назад. Опять Цхинвал, опять холодный, продуваемый всеми ветрами номер гостиницы «Алан», опять звуки выстрелов вдали, рвущие ночную тишину. Вроде бы все как прежде, но нет. Теперь это уже не та дорога и не тот город. Даже выстрелы — и то не те, они гремят по иной причине. Все почти то же, ежедневное и привычное, но все изменилось: и время, и обстоятельства. И люди тоже…».

Важной и, к глубокому сожалению, последней в жизни Андрея Островского стала его «командировка» в Абхазию.

Коллега Андрея, московская журналистка Татьяна Шутова вспоминает: «Андрей Островский, корреспондент нижегородской

молодежки «Ленинская смена». Наши пути с ним не раз пересекались в Южной Осетии, и вот встретиться довелось в Гудауте в пресс-центре, откуда Андрей диктовал по телефону в Москву свой очередной репортаж. Так и познакомились, наконец, хотя по рассказам знали друг друга. Нас уж не так много, «горячеточечников» Мы обмениваемся впечатлениями. Я говорила об отряде Шамиля, а Андрей дав–но прибился к другому отряду добровольцев под командованием Ибрагима Вот наша журналистская «разборка» — чей отряд боевитей. Андрей спешил в Пицунду, на базу отряда… Прощаясь, условились встретиться в Москве в нашей цхинвальской компании.»

«Командировка» Андрея в Абхазии была резко не похожа на предыдущие. Здесь он увидел войну во всей ее мерзкой жестокости, но и в ярких примерах героизма и мужества со стороны освободителей.

Андрей Островский лично принимал участие в боевых операциях. Первой стала Шромская в ноябре 1992 года. Этому событию посвящена яркая статья Андрея, предельно справедливая по содержанию и эмоционально–возвышенная по форме — «Только один день, только один бой…» В ней, в частности, говорилось:»… Голова абхазской колонны, попав под плотный обстрел с двух сторон, распалась на мелкие группы. С третьей стороны вверх под крутым углом вставали покрытые зарослями склоны с отметкой 752 по карте. Прятаться от обстрела было почти негде. Снайперы сбивали ветки над головами, пули свистели в считанных сантиметрах от людей. Почти сразу же появились первые раненые...».

Эта операция была неудачной. Потери с обеих сторон, нашей и вражеской, оказались значительными, но грузинские оккупанты все же пострадали впятеро больше. Андрей в своей статье подвел и аналитический итог всего, что увидел и испытал. В частности, он пишет следующее: «… Остается только один вопрос, ответ на который я, как и многие из тех, кто был в этот день там, на етой проклятой, насквозь простреливаемой дороге у Шромы или сидел в грузинском окопе, очень хотел бы получить, но такого ответа нет, и не предвидится. Вопрос этот краток и прост Он исчерпывается одним единственным словом зачем? Зачем они гибли — сто с грузинской стороны, двадцать — с абхазской?» Истинно глубокое замечание, над которым стоило бы серьезно поразмыслить как военным всех рангов, так и политикам.

В статьях Андрея Островского, посвященных грузи но–абхазской войне, прослеживается почерк военного репортера. По существу своей гражданской позиции Островский в своих публикациях выступает как искренний борец за мир и

справедливость, гневно протестует против всякого рода угнетения и принижения одного народа другим и категорически отрицает решение вопросов и конфликтов при помощи силы, да притом военной. Он писал:

«… Здесь мы честно любили
И честно дрались,
Беспощадны к себе
Мы были…
Если дал бы нам Бог
Трижды лучшую жизнь,
Мы бы прежней мечту
Хранили…»

«Командировка» Андрея в Абхазии не ограничилась лишь Гудаутой и Гумистинским фронтом; он стремился Постоянно быть там, где тяжелее, где наиболее опасно и много риска. И вот Андрей — в гуще военных событий на Восточном фронте. Знал ли ты, Андрей, на что шел?. Татьяна Шутова писала: «Вскоре он отправился в осаж–денный шахтерский город Ткуарчал — последний этап своей командировки Долго не хотелось верить в то, что Андрей погиб. В своем последнем письме из Абхазии он называл таких, какой, «мостом над пропастью», а значит, связующим звеном между людьми и народами некогда единой и могучей страны..»

Стихи Андрея Островского эмоционально приподняты, заражают страстью борьбы за правое дело. Вот одно из последних (к глубочайшему сожалению!) стихотворений, написанное им перед боевой последней операцией в селе Мыркула Очамчырского района:

И горечь потерь,
и фанфары побед —
Все будет и все придет.
Туман впереди,
обрыв позади,
А может — наоборот.
Теперь не в моде
идти на фронт,
Но надо, коль выхода нет...
В чужой стране,

но ради своей —
В бой, приближая рассвет.
Я долго сидел,
согнувшись, в щели,
Теперь я в атаку иду...
Эй, кто там есть!
Поднимая цепь,
Дай место мне —
в крайнем ряду.
Пусть лупит зенитка,
и пусть впереди
Мин залегла полоса.
Но мы пройдем,
нам нельзя не пройти,
Нам отступать нельзя!
Что самое главное в драке любой?
Давно известен ответ:
Себя победить,
пройти сквозь себя —
Вот главная из побед.
И если ты над собою
верх взял,
Верх — над самим собой,
То пусть увидишь —
вот здесь, в горах
Ты выиграл этот бой!

Эти стихи можно справедливо считать своеобразной стихотворной эпитафией Андрея и его завещанием боевым друзьям. История должна об этом помнить.

Роковое 30 ноября 1992 года. Очамчырский район, село Мыркула. Кавказское небо и горы прощаются с Андреем Островским и его боевыми друзьями, а лучше сказать — братьями. Это казаки — Сергей Шевцов, Сергей Крынин, Алексей Масляев, Владимир Уткин, кабардинцы — Руслан Абаев, Арсен Агабанов, Альберт Агирсд Леонид Хорунов, а также армянин из Баку Александр Нариманов. В том жестоком бою погибли и местный житель, русский из села Мыркула Александр Аунер и молодая журналистка — поэтесса из Ткуарчала Саида Делба.

На месте погребения Андрея Островского и его бо–евых друзей во дворе мыркульской средней школы решено соорудить памятник добровольцам, вставшим по велению сердца на защиту

малого, но свободолю бивого и стойкого абхазского народа. «Они всего–навсего добровольцы одной из необъявленных войн конца двадцатого века, а не профессиональные убийцы, не наемники, какими их рисует грузинская пресса», — так писал сам Андрей, наш дорогой друг Андрей Островский.

Истина и справедливость всегда восторжествуют, таков закон истории, всего нашего бытия. Так дай же Бог нам, абхазам и всем нашим потомкам достойно оценить подвиг тех, кто по зову сердца встал на защиту нашей родной Апсны, страны, издревле славящейся традициями благодарности и памяти своих героев!

Юный Алмас

Капба Алмас Владимирович 24.04.1975 – 04.07.1993

Отец Алмаса, Владимир Капба — мой коллега. Мы в 80-е годы работали вместе несколько лет на Абхазском радио А затем он перешел в газету «Апсны» и работает там до сегодняшнего дня. Мать Алмаса — Фируза уже много лет — сотрудница Сухумской газетной типографии Владимира и Фирузу я знаю как профессионалов в своем деле хороших, отзывчивых людей.

Их единственный сын Алмас после 8-го класса не захотел больше учиться в школе и пошел учеником к матери в типографию. Все время мать и сын были рядом и на работе, и дома.

24 апреля 1992 года Масику, как его называли, исполнилось 17 лет, и в типографии всем коллективом торжественно отметили это событие. Надо сказать, что в коллективе его все любили — за доброе отношение к матери, и просто потому, что он был самый молодой, и к нему все относились как к сыну.

Когда началась война, вся семья Капба перебралась в Гудауту.

Владимир продолжал работать в газете «Апсны», мать — в типографии на вып.уске газеты «Республика Абхазия», а Алмас — на разгрузке гуманитарной помощи. Часто вечерами все трое выходили на берег моря и смотрели в сторону Сухума, мечтая о возвращении в родной дом. А в голове юноши зрели планы, о которых он ничего не говорил родителям. И вот настал день, когда Алмас осуществил свой тайный план — записался в батальон «Горец», причем прибавил себе три года.

Конечно, узнав об этом, мать очень переживала и часто приходила к сыну, пока батальон не был на фронте. Алмас всегда при этом смущался и говорил: «Ну, что ты опять пришла, что я, маленький? Должен сидеть и ждать, пока другие освободят Сухум?» Фирузе нечего было возразить, она понимала чувства своего сына.

Так было до 4 июля 1993 года — дня, когда мать в последний раз видела своего сына В тот день она с сестрой Розой пришли в расположение части и увидели Алмаса в полной военной форме, с зеленой повязкой на голове, с автоматом и гранатами у пояса.

— Масик, что это значит? — спросила она.

— Ничего особенного, мама, мы тренируемся, не волнуйся.

— Смотри, будь осторожнее с автоматом!

— Ну что ты, мама, до сих пор думаешь, что я ребенок? Ничего со мной не случится, тут есть и помоложе меня и воюют! Вот посмотришь, мы все равно возьмем наш Сухум! А за меня не переживай, тут с нами находится мать моего погибшего друга Алмасхана Амичба, она смотрит за мной, как за своим сыном. Вот видишь, в этом патроне лежит записка, которую она положила, с моим именем и фамилией — Капба Алмасхан, так она меня записала вместо Алмаса. Мой десантный номер 1006. Но это я тебе так просто говорю, на всякий случай..

Алмас назвал и номер своего автомата, но Фируза запомнила только три последние цифры — 559.

— И запомни, мама что я уже не маленький. До свидания, в Сухуме встретимся.

Это были его последние слова, обращенные к матери. В тот же вечер десантники улетели на высоту Ахбюк.

9 минут полета от Гумисты до сопки Ахбюк. Но для бойцов батальона «Горец» они равнялись 9 часам. Иллюминаторы санитарного вертолета МИ-8 были закрашены. Чтобы не чувствовать себя львом, заключенным в клетку, юный Алмас, нетерпеливый даже во время полета, приоткрывал дверь вертолета, чтобы с высоты увидеть полыхающую огнем абхазскую землю… Вертолет пошел на посадку. Но кто мог подумать, что сейчас среди трав и кустов притаились те, кто принес на

абхазскую землю смерть и разрушения и готовы стереть с лица земли весь народ абхазский!

Остановись время! Замри, природа… Для воинов, сидящих в вертолете, наступает час великого испытания на мужество, отчаянную смелость, верность Апсны!

Одновременно из всех видов оружия враги начали обстреливать вертолет. Часть бойцов смогли выскочить из горящего вертолета и, не теряя ни секунды, приняли бой. А те, кто не успел и остались внутри, горели заживо.

Те, кто остались в живых в этом неравном бою, по-разному рассказывали о судьбе Алмаса. Одни говорили, что когда Алмас выпрыгнул из вертолета, командир послал его обратно за рацией, и тут вертолет загорелся, другие — что он с Мишей Тарба, Варламом Лакрба и другими ребятами перепрыгнул через какой–то забор, и им удалось уйти, у третьих была еще одна версия. И все это было как–то неопределенно, неуверенно, хаотично.

Потом в Гудаутском военкомате вывесили список участников десанта, где напротив их фамилий стояли буквы «в» (выпрыгнул), «п» (погиб), «б/п» (без вести пропал). Но все это было лишь предположения. А напротив фамилии Капба не было вообще никакого обозначения.

Нужно отметить, что отец Алмаса, несмотря на то, что во время войны он выполнял свой профессиональный долг, после того, как его единственный сын пропал без вести, взял оружие и пошел воевать.

После заключения перемирия собралась небольшая группа бойцов и поднялась на сопку Ахбюк. Собрали останки погибших, обгоревшие кости, сложили в мешки и привезли в Гудауту. По этим костям определили приблизительно число погибших, но опознать, кто это был, не было возможности. Опознали лишь троих, убитых недалеко от вертолета во время отхода — их тела были целые.

30 июля 1993 года в Гудауте их всех хоронили. Это были страшные похороны — 17 гробов с обгоревшими костями, и неизвестно, где чьи Все родители надеялись, что их дети живы, хотя грузинский плен был хуже смерти. Так и осталось до конца невыясненным кто же именно погиб в вертолете, кто пропал без вести.

— Я задыхалась от рыданий, — вспоминала Фируза Чамагуа–Капба в беседе со мной. — Ко мне подходили люди, утешали, говорили, что мой Масик спасся, что он благополучно выпрыгнул, что он жив и обязательно найдется, но я уже никому не верила и даже не узнавала тех, кто разговаривал со мной. . Но надежда никогда не оставляет человека. Я не увидела моего сына

мертвым, и другие, кто был с ним, тоже не видели — так, может быть, он действительно жив? — такая мысль стала приходить мне в голову, приходит и сейчас. Много раз обращалась я в комиссию по делам военноплен ных, но ничего обнадеживающего мне сказать не могли.

В годовщину гибели вертолета, 4 июля 1994 года, оставшиеся в живых бойцы батальона «Горец» и родители погибших отправились на высоту Ахбюк. Я с видеокамерой тоже была с ними. Пилотировали вертолет те же самые летчики, что и год назад, — Вячеслав Эшба и Нури Герзмаа. Это были очень тяжелые минуты.

Все надеялись найти какие–нибудь новые свидетельства трагедии. Фируза искала брелок с Десантным номером сына — 1006, но хотя родители и нашли несколько брелоков, этого номера среди них не было. А Юрий Гиндиа нашел номер 1113 и спросил.

— Вы не знаете, ребята, чей это?

И тут оказалось, что это был номер его сына Зурика Гиндия. Так стало известно еще одно имя сгоревшего в вертолете Юрий держал этот номер и смотрел на него так, словно нашел своего живого сына.

Там родственники и боевые друзья собрали четыре целлофановых пакета человеческих костей. Прах погибших на высоте Ахбюк был предан земле в Парке боевой славы в Сухуме.

— Они понимали, что идут почти на верную смерть, — продолжала свой рассказ Фируза — Но не дрогнули их сердца Они погибли как герои. И мы, живущие, не имеем права забыть их, забыть тот подвиг, который они совершили во имя Победы. И как бы мне ни было тяжело, я горда тем, что ее приблизил и мой сын, мой дорогой Масик. И все оставшиеся дни, которые мне • суждено еще прожить, я буду ждать и надеяться, что мой сын вернется…

Когда входишь в помещение газетно–типографского комплекса «Республики Абхазия», первое, что бросается в глаза, — это портрет красивого молодого человека. На нем он выглядит старше своих. лет, в жизни же, несмотря на немногословность и рассудительность, внешне он оставался совсем мальчишкой, только сфотографировался на паспорт — и началась война.. Он только успел улыбнуться миру, и ему пришлось бесстрашно шагнуть навстречу смерти и остаться навечно молодым и бессмертным.

АСЛАНБЕЙ

Камкиа Асланбей Нурбеевич 23.09.1965 – 10.07.1993 (переснято с видесархива А. Поповым).

Асланбей родился и вырос в Сухуме, в семье видного абхазского актера Нурбея Камкиа. После окончания средней школы № 10 им. Нестора Лакоба уехал учиться в Москву. Там он успешно закончил Всесоюзный Государственный ордена Трудового Красного Знамени институт кинематографии имени С. А. Герасимова. После вуза служил в Советской армии, в кавалерии в Москезской области.

После армии Аслан вернулся к себе на родину, стал работать на Абхазском телевидении и одновременно вместе с абхазским кинорежиссером Вячеславом Аблотиа снимал фильм По роду своей деятельности ему приходилось часто выезжать в Ленинград и Москву, общаться и сотрудничать с видными режиссерами и актерами бывшей Советской страны. Но деятельность молодого перспективного режиссера прервала Отечественная война народа Абхазии.

С первых дней войны Асланбей Камкиа явился на самый опасный участок — на Восточный фронт. Разведывательно–

диверсионная группа «Катран», в которой участвовал Асланбей, явилась основателем партизанского движения от реки Кодор до села Мыркула. Руководителем этой группы был Заза (Астана) Зантариа, человек бесстрашный и непримиримый к любому злу и несправедливости, а начальником штаба — Асланбей (Аслан) Камкиа. Враги боялись эту группу, как огня Одно её название повергало их в ужас и панику. Причем действовали ребята настолько смело, уверенно и профессионально, что любую рискованную операцию проводили мгновенно, не получив не только ни одного ранения, но даже царапинь... И так же мгновенно отходили…

Асланбей принимал участие в таких смелых вылазках, как в районе центральной трассы, железной дороги, у Кодорского моста, в селах Наа, Атара, Тамыш, Кындыг, Адзюбжа, Цагера, Бедна, поселке Ануаа–рху. Но особенно впечатляющей, напоминающей сцену из самого что ни на есть крутого боевика, была ночная вылазка в оккупированную Очамчыру.

Никто из его близких друзей до войны не мог представить, что молодой талантливый режиссер Асланбей способен проявить себя во время войны так мужественно, без малейшей боязни, смело, даже дерзко. За короткое время он научился хорошо пользоваться всеми видами оружия, даже стал наводчиком БМП.

Считаю уместным привести характеристику Асланбея, когда его представляли к высокой награде Абхазии.

ХАРАКТЕРИСТИКА на Камкиа Аслана Нурбеевича 1965 года рождения, бойца группы «Катран» Восточного фронта, прож. в г. Сухум

Камкиа Аслан Нурбеевич с 14 августа 1992 года вступил в бой вместе со своей группой «Катран» в селе Бабушара Гулрыпшского района. На третий день войны он вместе с группой с боями перешел через реку Кодор в село Адзюбжа Очамчырского района. Эта группа из 38 человек, без потерь со своими боеприпасами и снаряжением прибывшая в Очамчырский район, фактически стала организатором партизанского движения от Кодора до Меркулы. Командиром этой группы был Зантариа Аслан Иванович, а начальником штаба — Камкиа Аслан Нурбеевич.

Камкиа Аслан Нурбеевич принимал активное участие в обороне населенного пункта Ануаарху, сел Кутол, Кындыг, Кучара, Лабра. Вместе со своими друзьями он в дальнейшем возглавлял диверсионные вылазки по уничтожению живой силы и

боевой техники противника. При взятии поселка Тамыш военным командованием была поставлена задача, блокировать железную дорогу и встретить спецпоезд, везущий груз МО Грузии. Группа, возглавляемая Асланом Камкиа, блестяще справилась с поставленной задачей. Он также неоднократно принимал участие в операциях по подрыву шоссейных мостов в селах Цагера и Тамыш.

Камкиа А. Н принимал активное участие в восстановлении трофейной бронетехники, был определенное время наводчиком БМП. Он также принимал активное участие в принятии баржи с десантом 2 июля 1993 года. Камкиа А. Н. с первых дней войны и до последнего дня своей жизни стоял на защите Родины, был храбрым и отважным воином.

Командующий Восточной группы войск Республики Абхазия / Ануа В. И./

9 апреля 1994 г.».

Асланбею Камкиа присвоено звание Героя Абхазии

Погиб, защищая свой город

Ажиба Валерий Зосимович 24.07.1958 – 22.09.1993

Те, кто знали Валерия, говорили, что «он — очень скромный парень». Да, Валерий действительно был скромным, тихим, малоразговорчивым Но с началом войны в Абхазии характер Валерия изменился. Он стал строгим, дерзким, но по–прежнему задумчивым.

Валерий родился и рос в Сухуме. Его мать Клеопатра Александровна Диневская — по национальности русская. Ее отец, дед Валерия, был военным. Клеопатра Александровна родилась в Китае, в городе Харбине, совсем юной она потеряла родителей. Получив разрешение вернуться в Советский Союз, она выбрала Абхазию, о красоте которой слышала раньше. Когда Клеопатра приехала из Китая в Абхазию, ей было всего 20 лет. Она начала работать в Сухуме в Доме политпросвещения секретарем общества «Знание» и трудилась там до пенсии.

В Сухуме Клеопатра познакомилась со своим будущим мужем-Зосимом Михайловичем Ажиба, родом из села Мгудзырхуа.

Русская девушка и абхазский парень создали прекрасную семью, в которой родилось двое детей — Валерий и Альдона. Альдона работает сегодня инженером на Абхазском телевидении. Валерию было семь лет, Альдоне годик, когда неожиданно умер их отец. На плечи молодой вдовы легло множество забот и трудностей, но она сумела их преодолеть и достойно воспитала своих детей.

С самого детства Валерий почувствовал, что значит расти без отца, без кормильца семьи. Так как он был единственным мужчиной в семье, то рос он не по-детски серьезным, заботливым по отношению к матери и младшей сестре. Он все время находился рядом с ними, словно оберегая их от всяких невзгод. Валерий учился в сухумской 2-й средней школе, учился хорошо. После уроков, пока мама не вернулась с работы, он постоянно сидел в Республиканской юношеской библиотеке, которая располагалась в том же доме по проспекту Мира, где они жили. Увлекался чтением художественной литературы, а также техникой. С самого детства начал чинить утюги, стиральные машины, телевизоры, холодильники.

После окончания средней школы и службы в армии поступил в Саратовский радиотехнический техникум, который в 1982 году окончил с отличием.

Здесь он познакомился с русской девушкой Верой Коновцевой. Она также училась в этом техникуме. После окончания учебы они поженились и прйехали в Абхазию. У них родилась дочь Адриана. Валерий начал работать в Гостелерадиокомпании видеоинженером.

Коллеги уважали Валерия за его доброжелательность к друзьям, за ответственное отношение к работе, профессиональное знание своего дела. На Абхазском телевидении никто не помнит, чтобы Валерий опоздал на работу хотя бы на 5 минут. Он был очень обязательным, всегда готов был помочь товарищам.

Когда в Абхазии началась война, Валерий еще оставался две недели в оккупированном Сухуме, так как мать не решилась оставить свой дом. Так и не уговорив ее, он решил сам ехать к своим друзьям в Гудауту. Матери он сказал, что в Гудауте будет работать на Абхазском телевидении. Но на самом деле у него уже было другое решение.

В Гудауте Валерий вступил в группу Шамиля Басаева. Эта группа принимала участие в самых трудных боевых операциях. В одной из них Валерий был ранен в ногу. Эта нога у него и раньше была больная Он повредил ее, упав во время одного из спортивных соревнований. Поэтому вылечить ногу теперь было очень трудно. Первую операцию Валерию сделали в Гудаутском

госпитале, но она оказалось неудачной. Вторая операция была сделана в Саратове, куда его повезли жена Вера и сестра Альдона.

Врачи запретили Валерию ходить в течение трех месяцев. Но спустя всего лишь две недели он, не послушав врачей, жену и сестру, приехал в Гудауту.

Валерий не мог нормально стоять на ногах и был вынужден пользоваться палкой. В это время группа Шамиля Басаева была на Восточном фронте, и Валерий, не дождавшись ее возвращения, включился в Сухумский батальон. Выбрал он этот батальон потому, что он хотел одним из первых войти в Сухум, где до сих пор оставалась его мать Валерия.

В сентябрьском наступлении при освобождении Сухума Валерий опять был ранен, но посчитал это ранение легким и не оставил поле сражения.

Тем не менее, друзья Валерия попросили его, чтобы он больше не ходил в бой и возвратился на работу на Абхазском телевидении. Но он наотрез отказался, сказав: «Когда я уже научился владеть всеми видами оружия, когда я могу по–настоящему воевать, как я могу оставить поле боя?».

Мать Валерия даже не могла представить, что ее сын воюет. Она думала, что он работает на телевидении. В оккупированном городе она перенесла множество невзгод, испытала, голод, холод, страх. Снаряд попал в дом, где она жила, и ей пришлось перейти в квартиру сына.

— Все эти трудности я терпела, старалась преодолеть, потому что была надежда, что скоро кончится война, вернутся мои дети. — вспоминала Клеопатра Александровна в беседе со мной. — А за Валерия была спокойна, я была уверена, что такой, как он, не сможет воевать. Ведь он был очень мягкий, легко ранимый, нежный. Кроме того, у него больная нога, из–за чего, думала я, его близко к фронту не допустят. Ведь у него при ходьбе выскакивала коленная чашечка. К тому же мне он обещал, что будет работать на телевидении. Как–то я увидела сон. Передо мной стоит мой Валерий, очень бледный, лицо опухшее, в новом костюме. Я подумала, как, мол, он похож на покойника, и спросила «Это ты Валерий?». Он мне не ответил и быстро исчез…

Мать почувствовала, что ее сон не к добру. Весь день она плакала. Соседи не могли ее успокоить. Оказывается, в этот день в селе Мгудзырхуа в семье дяди Аркадия Ажиба провожали в последний путь ее единственного сына Валерия. Об этом мать узнала уже после войны, когда ее дочь Альдона вернулась домой без брата.

Когда шла война, Валерий как хороший специалист-видеоинженер мог принести пользу и работая на Абхазском

телевидении, но он решил, что если Родина в опасности, для настоящих мужчин важнее все-о защитить её с оружием в руках. Такие патриоты не умирают, их имена будут вечно передавать из поколения в поколение, славу о них — из уст в уста.

Гибель экипажа танка № 04

18 сентября 1993 года был уничтожен экипаж танка № 04. Командир экипажа Джамбул Джолуа был сотрудником Абхазского телевидения.

Джопуа Джамбул Рауфович 23.05.1967 – 18.09.1993 г.

Всего несколько сот метров оставалось до Сухума, всего несколько дней оставалось до победы Абхазии, когда погиб танк № 04.

В тот день я была вблизи того места возле села Тависуплеба, где погиб танк № 04.

Экипажу был дан приказ идти вперед. Им сказали, что там. впереди, наши. Но это было не так Конечно, если бы ребята знали, что впереди враг, они бы иначе рассчитали свои силы и уничтожили вражеский дзот Персии удар танк получил от установки ПТУРС сверху.

Когда снаряд попал в танк, механик–водитель понял, что дальше идти нельзя. Он включил задний ход, но в тот момент, когда танк начал разворачиваться, сбоку ударил гранатомет. Была пробита броня, и танк взорвался. Весь экипаж заживо сгорел

внутри танка. Это были командир Джамбул Рауфович Джопуа, механик-водитель Зураб Заканбеевич Конджария, оператор-наводчик Игорь Львович Конджария, заряжающий Геннадий Георгиевич Еник.

Джамбул Рауфович Джопуа родился в Сухуме. Его мать, Баби Маршания, по профессии педагог, умерла, когда сыну было 7 лет. Отцу пришлось одному воспитывать двоих маленьких сыновей — Джамбула и Даура Оба воевали. Даур погиб при наступлении на Сухум 5 января 1993 года в районе кемпинга.

Джамбул окончил сухумскую 3-ю среднюю школу и поступил в Абхазский государственный университет на физмат. После первого курса был призван в Советскую армию. Служил в танковой дивизии в Чите. После службы продолжил учебу. С третьего курса начал работать на Абхазском телевидении. В этом коллективе Джамбула любили и уважали. Он был по характеру очень мягкий, добрый, отзывчивый. Мы, женщины, его коллеги, зная что Джамбул вырос без матери, относились к нему немного с жалостью. Но Джамбул не любил, когда его жалели, старался всегда держаться независимо. После завершения учебы он стал у нас работать постоянно. Когда стала создаваться абхазская гвардия, Джамбул начал служить в ней. Он нес службу у реки Ингур, а при пересмене продолжал работать у нас инженером.

О начале войны Джамбул услышал, находясь на телевидении. Он тут же вернулся домой, переоделся в военную форму, взял доверенный ему автомат и сразу помчался «На Красный мост.

В боевой характеристике на Джамбула Джопуа командир батальона Фазылбей Авидзба, в частности, писал: «Джопуа Д. Р. с первых дней принимает активное участие в противостоянии грузинским войскам, быстро набирает боевой опыт и мастерство. 31 августа была восстановлена захваченная у противника БМП, и он становится запасным наводчиком, после и наводчиком БМП-1 № 12, а затем радистом батальона Он в свободное от боевых действий время совершенствует свое знание другой боевой техники — танка Т-55, который тоже за 2–3 месяца изучил в совершенстве, и в июле 1993 года становится командиром танка Т-55 № 04. Под умелым руководством сержанта Джопуа Д Р. экипаж танка воевал с большим успехом…».

Экипаж танка 04, получившего название «Мустанг», заслужил самую высокую похвалу. Этим танков было подбито 7 единиц бронетехники, подавлено более 70 огневых позиций и артиллерийских расчетов, уничтожено, более 20 единиц транспортной техники.

За период военных действий танк четыре раза получал повреждения, но каждый раз был восстановлен и снова шел в бой.

И бессменным командиром этого танка был наш коллега, инженер Абхазского телевидения Джамбул Джопуа.

Сердце, открытое людям

Гожба Ми род Сампалович 14.05.1935 – 18.09.1993

Хотя у Мирода Гожба было всего три класса образования, он много читал, всем интересовался, писал и сам. Его публицистические статьи и очерки часто появлялись на страницах газет, голос звучал и в радиоэфире. Все эти материалы были злободневными, проблемными. Мирод умел поднять проблему и тут же предложить свои варианты ее решения. Он стал желанным гостем и в редакции молодого Абхазского телевидения — Мирода объединяло с телеработниками то, что мы все были из деревень, — вспоминал журналист Вячеслав Саканиа. — Он постоянно подчеркивал свое духовное родство с выходцами из абхазских деревень И мы действительно хорошо его понимали и ценили. Когда он приезжал из села, обязательно привозил деревенские закуски Улыбаясь, открывал свою неизменную коричневую сумку и сначала вынимал эти закуски, а уж потом свои публикации и оживленно начинал рассказывать о тематике своих будущих выступлений по телевидению..

Мирод умел прислушиваться к мнению других, но все же решительно утверждал свое, причем, доказывая свою правоту,

всегда ссылался на дела и мысли мудрейших и старейших людей далекого прошлого Статьи Мирода на страницах различных изданий, его выступления по радио и телевидению читались и слушались с большим интересом. Люди знали: если под публикацией стоит подпись Мирода Гожба, значит, здесь поднята интересная и злободневная проблема.

Но еще до этого Мирод организовал в селе Хуап литературный кружок, где сплотил всех своих односельчан — от детей до стариков Даже те, кто еле умел читать, заинтересовались художественной литературой. Эти литературные встречи приносили их участникам большое духовное удовлетворение.

Активной их участницей была Светлана Хашиг, которая позже стала председателем колхоза села Хуап и проработала на этой должности более десяти лет.

— Вы знаете, именно Мирод сумел привить мне любовь к моему селу, к моим односельчанам, — говорила Светлана мне впоследствии. — Среднюю школу я окончила в Гудауте, лишь по выходным дням приезжала домой, в Хуап Однажды приехала и вижу, что все соседи собираются на литературную встречу. Я пошла вместе с ними В этот вечер члены литкружка обсуждали новую книгу Нелли Тарба «Бзыпская повесть» Там я впервые увидела Мирода Гожба. Когда он высказывал свое мнение о повести, очень верное и точное, я поинтересовалась, какое у него образование. И очень удивилась — никак нельзя было даже подумать, что он окончил всего три класса. Он очень Старался заинтересовать своих односельчан литературой и поэтому очень деликатно подходил к каждому высказыванию присутствующих. Давал возможность высказать свое мнение и самым младшим. Такой его бережный подход к каждому мнению, к каждому члену литературного кружка вызывал желание и далее посещать этот кружок. И я после этого дня с нетерпением ждала нового заседания. Именно во время этих встреч я почувствовала особенную привязанность к своим односельчанам. И поэтому решила вернуться после окончания вуза в родное село… [8]

Тематика литературных встреч постоянно расширялась. Объектом разбора стали произведения не только абхазских писателей. Участники кружка заинтересовались также русской, а затем и зарубежной литературой, обращались к мировой классике. Расширялся и круг участников. На каждое заседание стали приглашать литераторов, критиков, ученых из Сухума. Частыми гостями были выходцы из этого села — поэт и ученый Владимир Анкваб, писатель Николай Хашиг.

Обстоятельства сложились так, что по несправедливому

обвинению Мирод был осужден и отбывал наказание в колонии в Рустави.

После отбытия наказания Мирод возобновил работу литературного кружка. В родное село он вернулся более политически подкованным, глубоко мыслящим, всесторонне развитым. Многие в шутку говорили, что Мирод был не в заключении, а учился в высшем учебном заведении.

— И до тюрьмы, и после Мирод постоянно был пред седателем родительского комитета в хуапской средней школе, — вспоминал Мыча Арстаа, ближайший друг Мирода. — Наравне с директором он вел здесь большую работу. Если Мирод видел у школьника интерес и стремление к чему–либо, он старался этот интерес развивать. Если замечал способности к литературе или журналистике, корректировал, редактировал работы школьников и сам приносил их в редакции разных изданий для публикации. Когда эти ребята заканчивали школу, специально ездил в Сухум, чтобы помочь им поступить в вуз по тем специальностям, к чему они имели склонность. Он стремился воспитать местные учительские кадры по разным специальностям для хуапской школы… [9]

После возвращения из тюрьмы Мирод продолжил переписку с интеллигенцией Абхазии. Письма были и от него самого, и от членов литературного кружка.

— В моем архиве самыми дорогими остаются письма Мирода Гожба, — сказал мне однажды писатель Алексей Гогуа. — В них отражено истинно народное мнение. Он откровенно говорил о достоинствах и недостатках каждого литературного произведения. Я знал, что эти письма очень искренни. Мнение таких людей, как Мирод, помогало мне в дальнейшем моем творчестве… [10]

С Миродом был очень близок писатель Николай Хашиг Они дружили, часто встречались, обменивались впечатлениями о прочитанных книгах, о политической жизни Абхазии.

— Каждый приход Мирода ко мне или мой приход к нему домой для нас обоих был настоящим праздником Мы могли часами разговаривать Он мне открывал что-то новое, глубокое, чистое. Его интересовало буквально все. Если в нашей литературе появлялось талантливое произведение, радовался, как ребенок. Он умел делать правильные выводы из всего происходящего, — рассказывал Николай Хашиг. [11]

После Отечественной войны в Абхазии Н. Хашиг издал книгу воспоминаний о Мироде Гожба. [12]

Мирод не только переписывался с интересными людьми, но был непосредственно знаком с ними, общался, встречался.

Многие приезжали к нему домой вместе с гостями Абхазии, чтобы показать им сердцевину абхазской деревенской жизни. Целый месяц в семье Мирода жил и Президент Абхазии Владислав Ардзинба. Об этом он вспоминал в нашей с ним беседе.

— Тогда я учился в Москве и приехал в Абхазию в экспедицию. Экспедиция проводилась в селе Хуап, и я жил в семье Мирода. Уникальная семья, с глубокими абхазскими традициями! Здесь я и работал, и отдыхал. Тогда б этой семье жил еще ученый Вячеслав Чирикба, который сейчас работает в Голландии. Он собирал абхазский фольклор. Мирод нам помогал в экспедиции, сопровождал нас, рассказывал разные старинные предания Нам было очень интересно общаться с ним мы у него очень многому научились. Однажды утром я вижу — Мирод собирается на свое поле. Я попросил его, чтобы он и меня взял помогать. «Да ты что, мои односельчане меня будут ругать, если узнают, что я ученого взял пахать», — возразил он. Но я все же его уговорил. И вот я сижу на арбе, держу палку, а Мирод идет перед буйволами. Пришли на поле. Здесь я стал перед буйволами, а Мирод взялся за плуг, и так мы работали до обеда. Обед нам принесли туда же, в поле. Редко приходилось мне есть с таким удовольствием. Когда собрались отдохнуть после обеда, Мирод показал на большое дерево, стоящее метрах в десяти от нас, и посоветовал сесть именно под ним, так как, сказал он, там более чувствуется ветерок и гораздо прохладнее. В этом весь он — заботливый и внимательный Поработали мы хорошо, однако на второй день Мирод все же не взял меня. Пребывание в семье Мирода оставило у меня такое сладкое воспоминание, словно я снова побывал в детстве или в сказке с прекрасной природой… [13]

Однажды во время встречи в Санкт–Петербурге с большим другом Абхазии, участницей нашей Отечественной войны Ниной Поляковой, которая долгое время работала как археолог в экспедиции Мушни Хварцкиа в селе Хуап, я спросила ее, знала ли она Мирода.

— Конечно, — ответила Нина. — Ведь Мирод Гожба был сердцем и ангелом–хранителем нашей экспедиции. Его дом был и нашим домом. Для меня лично Мирод и его семья — близкие и родные люди… [14]

Действительно, всех, кто хоть раз увидел Мирода, притягивало к нему как магнитом Его взгляд, улыбка, жесты, манера разговаривать, обращаться с людьми — знакомыми и незнакомыми — все говорило о его удивительно доброй, тонкой, глубокой душе. Мирода считали своим близким другом и старики, и его ровесники, и молодые. И каждому казалось, что

именно он для Мирода самый родной и близкий, потому что он действительно умел каждому дарить частицу своей души. Но больше всех, конечно, его понимала, ценила, поддерживала во всех делах его жена Нелли Куакуаскир–Гожба.

— В этом дворе стояло раньше большое дерево, — вспоминал поэт Геннадий Аламиа во время нашей беседы во дворе Мирода. — Дерево упало в те дни, когда Мирода привезли с фронта убитым. Наверное, и природа чувствует все, что вокруг происходит. Когда мы раньше приходили в этот дом, то представляли себе, что оставляем все свои грехи, проходя под тенью этого дерева, и входим в дом чистыми — как в храм нечистых, грешных этот дом не принимал. Мы приезжали сюда часто, оставляя свои повседневные заботы, чтобы здесь встретиться с самыми чистыми и самим очиститься, приезжали в дом, где жил дух истинного абхазца. Да, действительно, все лучшее из национальных традиций и обычаев таилось в душе этого человека. Рука цивилизации, часто разрушающая все традиционное, еще не коснулась души Мирода, этой истинно абхазской семьи… От соприкосновения с этой чистой душой и мы становились чистыми и безгрешными Получив заряд энергии и вдохновения от встречи с Миродом и его семьей, мы возвращались к своим делам И этой энергии нам хватало на долгое время для свершения добрых наших помыслов, потому что после общения с Миродом нельзя было совершать что–то плохое, данный им заряд был направлен только на положительные дела… [15]

Мироду было уже под шестьдесят, когда в Абхазии началась война. Конечно, он мог бы и не брать в руки оружие — его пламенное слово, обращенное к защитникам родной земли, значило бы не меньше, чем автомат. Да и дел в тылу во имя победы, в помощь фронту было немало. Но не таким человеком был Мирод, чтобы выбрать для себя путь более безопасный То, что он говорил, он должен был доказать делом. И потому пошел воевать вместе с хуапскими ребятами — и не просто наравне с молодежью, но, как всегда, впереди. Ведь он всегда был зачинателем — и когда организовал свой литературный кружок, и во многих других делах — так мог ли он теперь, когда над его родиной нависла смертельная опасность, поступить по–другому? На фронте он ни в чем не уступал молодым, а в перерывах между боями записывал все, что видел, с восхищением писал о героизме наших бойцов, о подвигах своих односельчан.

В одном из интервью, которое Мирод дал Абхазскому телевидению, он говорил: «…Ребята, с кем я воюю, уже имеют боевой опыт. Они хорошо проявили себя во время освобождения

западной части Абхазии. Командиром нашей роты является Рауф Джикирба. Умный парень, как командир показал себя превосходно. Я могу его сравнить с Чапаевым… Когда мы 15 марта пошли в наступление на Сухум, все шли как на праздник, у всех. были радостные улыбки. Все ждали только победы. Никто ни минуты не сомневался, что победа будет за нами — если не сегодня, то завтра… Конечно, были потери. Но бойцы вели себя очень мужественно. Я запомнил сына Сауея Бебиа. Он у нас был командиром отделения. Увидев его в бою, я сказал: «Ты за сегодняшний день заслужил звание офицера, ты теперь лейтенант». Я мог его сравнить только с героями фильмов — «боевиков». Он моментально ориентировался в боевой обстановке, тут же отдавал приказы бойцам — какое место выгоднее занять, в какую сторону вести стрельбу. И сам подвижный, быстрый, как огонь. . Да и все бойцы не боялись смерти, в один голос говорили: «Мы о смерти не думаем, у всех одна цель, которая нас и объединяет–стремление победить врага…». Это наступление оказалось–неудачным. К сожалению, нашлись и такие, которые немного пали духом. Но надо помнить, что во время войны не бывают одни только успехи, случаются и неудачи. Ведь наших врагов четыре миллиона человек, в 40 раз больше, чем нас. Но вот уже 12 раз они предпринимали широкомасштабное наступление на Гудауту, но не смогли ее взять, так же, как во время Великой Отечественной войны гитлеровцы не смогли взять Сталинград А у нас пока всего две попытки наступления на Сухум И если они не удались, уже в следующий раз обязательно получится. Об этом должен знать весь наш народ… [16]

В архиве Абхазского телевидения сохранились кадры, когда Мирод Гожба в военной форме принимает присягу на верность Родине. Величественный, как герой из нартского эпоса, гордый, с высоко поднятой головой, он с улыбкой идет к абхазскому флагу. Подойдя к флагу, поклонился, поцеловал его край и произнес: «Дай бог, чтоб в скором будущем мы сумели освободить наш город Сухум и всю Абхазию…» [17]

После принятия присяги у Мирода взяла интервью журналистка Эмма Ходжаа. Мирод тогда сказал: «В жизни человека хорошее и плохое идут рядом Война — это ужасно, дико в конце 20-го века. Но у войны также есть положительные моменты. Именно во время войны узнаешь настоящего человека. Война словно просеивает людей, как через сито, и сразу можно понять, кто герой только на словах, а кто на самом деле Многие уважаемые ранее люди в настоящее время умерли живыми. Они хуже мертвых. Убежали, скрылись, попрятались. А ведь как в свое

время красиво говорили, другим и слова не давали сказать. А если ты настоящий мужчина, ты сейчас подтверди все свои прежние слова делом…» [18]

Еще шла война, когда по заданию правительства Абхазии, которое, видимо, решило сохранить такого народного мудреца, Мирод Гожба вместе с поэтом Рушбеем Смыр и большой патриоткой Феней Авидзба был направлен в Турцию для переговоров с потомками махаджиров.

Мирода и раньше постоянно глубоко волновал этот вопрос. Он часто говорил, что спасением малочисленного абхазского народа может явиться только возвращение потомков махаджиров на свою исконную Родину. Мирод переписывался со многими представителями абхазской зарубежной диаспоры. У многих сумел пробудить любовь к исторической Родине. Именно благодаря нему некоторые вернулись в Абхазию.

И вот ему представилось возможность самому увидеться с живущими в Турции земляками, наладить их непосредственный контакт с Абхазией, тем более, что в этот момент на фронтах было временное перемирие. Поэтому он с удовольствием согласился.

— Наша совместная поездка в Турцию оставила у меня очень глубокое впечатление, — рассказывал мне поэт Рушбей Смыр. — Конечно, я и до этого хорошо знал Мирода, но во время поездки больше с ним сблизился Мирод стал для меня и для Фени самым дорогим человеком. С ним нам было очень легко. При встречах на любой заданный вопрос Мирод умел ответить очень сдержанно, деликатно, и б то же время по существу, чувствовалась его умудренность жизненным опытом. В своей речи он очень уместно употреблял пословицы, сравнения. Кажется, он никогда от этих встреч не уставал, после каждой все подробно записывал. Говорил, что обязательно напишет путевые заметки о поездках в разные города и села Турции… Люди больше всего запомнили именно Мирода и его речи. После вой–ны мне пришлось еще раз побывать в тех же местах и встречаться с теми же людьми. Буквально все, и стар и млад, с глубокой болью сочувствовали нам, что мы потеряли на войне такого человека. Мирод и здесь смог оставить светлую память о себе…». [19]

Когда Мирода направляли в Турцию, правительство выделило ему на поездку 500 долларов. Однако, вернувшись в Абхазию, он сдал обратно эти деньги, сказав: «Мы находились у своих братьев, они нас кормили, поили, мы ночевали у них, как полагается по абхазскому гостеприимству. Они же денег за это не брали. А мог ли я потратить данные мне деньги на какие–то вещи, когда на Родине идет война, когда здесь каждая копейка дорога? Да еще,

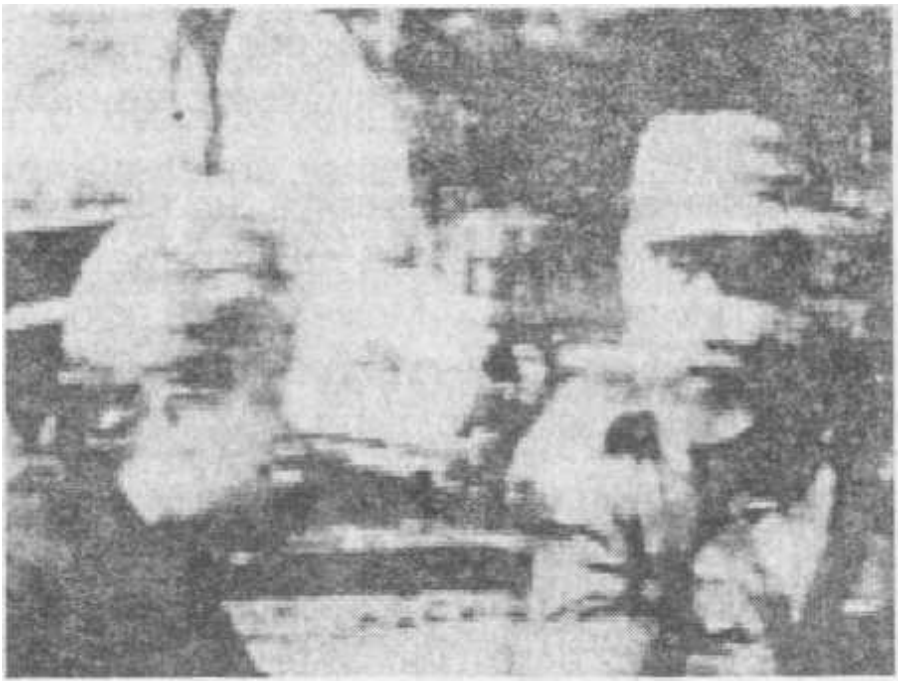
если бы я не вернул эти доллары, люди могли бы подумать, что наши братья в Турции утратили обычай абхазского гостеприимства…».

После возвращения из Турции Мирод тут же явился к своим боевым друзьям. Он не находил себя места без них, и они, уже привыкшие к Мироду, его дельным советом, тоже с нетерпением ждали его возвращения Так что появление Мирода на позиции стало для всех праздником. У бойцов была какая–то уверенность, что если Мирод рядом, то они защищены от всяких случайностей, которые бывают на войне, что там, где Мирод, нет места смерти Его буквально считали ангелом–хранителем. Больше, чем собственной жизнью, Мирод дорожил записями, сделанными на войне. Он часто повторял: «Кончится война, и я сяду за письменный стол и тогда, используя свои записи, напишу очерки о каждом бойце в моем батальоне. Они все достойны, чтобы их имена остались в истории Отечественной войны народа Абхазии…»

Недоработанные записи остались, но не стало автора этих строк, который мог бы создать целый цикл публицистических очерков Может быть, кто–нибудь подготовить их к печати, и мы увидим в них дух нашего поколения, которому суждено было защитить нашу Родину…

Мирода уже не было в живых, когда в эфире Абхазского телевидения появилось его интервью с московской журналисткой Светланой Беклемищевой Мирод тогда говорил: «…Когда Родина зовет, все мы должны встать, просто обязаны. Но вот что я хочу сказать о нашем народе. Настоящий абхаз всегда миролюбив, не желает войны ни себе, ни другим. Настоящий абхаз — как пчела, с утра до вечера работает, сладость людям несет своим трудом. Но если пчелу раздразнишь или помешаешь ей делать добро, она больно укусит, а то и на смерть пойдет. Абхазская пчела кусается очень здорово, если встанешь ей поперек дороги…»

[20]



Светлана Беклемищева берет у Мирода Гожба интервью (переснято с видеоархива Владимиром Поповым)

Да, есть на земле люди, чьи слова, дела, вся жизнь светят нам, как звезды с небес, чьи души высоки, как вершины Кавказских гор, и чисты, как родниковая вода… Говорят, у каждого человека есть своя звезда, и когда он умирает, она падает с неба и гаснет. Но у таких людей упавшая звезда вновь возрождается из пепла, начинает светить все ярче, поднимается все выше, и ей суждено гореть отныне вечным огнем. И тот, у кого горит в небе такая воскресшая из пепла звезда, бессмертен, он вечно живет в памяти и в, сердце своего народа, освещая ему путь к счастью и совершенству. Таким был и таким навек останется Мирод Гожба.

Военный корреспондент

Часто на страницах районной газеты «Бзыбь», изредка по эфиру Абхазского радио выступал военный корреспондент Константин Габниа. Он погиб во время последнего, сентябрьского наступления на Сухум.

Еще в начале войны боец, потом командир, а позднее Герой Абхазии Мушни Хварцкия говорил: «чтобы освободить Сухум, необходимо взять в свои руки господствующие над ним высоты, так как без этого не будет победы.» Весь ход войны доказал правоту его слов, и после неудачных январской и мартовской операций основные силы были брошены на взятие господствующих высот со стороны Шромы. К моменту сентябрьского наступления все они в основном были взяты.

Решающее наступление на Сухум началось 16 сентября 1993 года.

Была поставлена задача: мелкими группами в ночь на 16 сентября сосредоточиться на подступах к селу Шрома, захватить посты противника, после чего прибудет боевая техника, и перейти в решительное наступление для освобождения Сухума.

Личный состав пехоты был передислоцирован отдельными группами ночью 16 сентября на подступы к селу Шрома. К середине дня началось боевая операция.

Сразу был захвачен первый наблюдательный пост противника. Это произошло без единого выстрела. Затем — второй пост. Захваченные в плен вражеские солдаты были доставлены в штаб второй бригады.

Техника уже была на подходе. Часть ее заняла боевые позиции для прикрытия, часть двинулась вместе с пехотой, как и было, запланировано.

Силами второго батальона под командованием Аки Ардзинба удачно была взята гора Бырцха. Следом были заблокированы дорога Сухум — Пиндава силами третьего батальона под командованием Виталия Тарнава и село Одиш — отдельной группой, которой командовал Песик Цугба. Затем Гагрский батальон под командованием Джумы Чирикбая взял гору Гварда.

На горе Бырцха мне довелось встретиться с Константином Габниа, который сидел поддеревом и записывал что–то в своем блокноте.

Пока шла война, мне неоднократно приходилось встречаться с ним в редакции газеты «Бзыбь». Туда он приносил свои фронтовые записи При одной встрече он передал мне номер «Бзыбь», где был опубликован его материал, в котором

описывались события на фронтах, быт и душевное состояние солдат — защитников Родины. Все это он писал, используя живой публицистический стиль, здесь присутствовал и также юмор, лирические отступления автора.

Константин Габниа родился в селе Дурипш Гудаутского района. После окончания средней школы поступил в Сухумское художественное училище. Окончив его, начал работать в Дурипшском сельском музее и одновременно преподавал рисование в начальной школе поселка Танихуы.

Редактор газеты «Бзыбь» Лаврентий Губаз был близким другом Константина. В беседе со мной он вспоминал:

— Я хорошо помню, как Константин радовался, когда его ученики представляли свои работы на художественной выставке в селе или в районе. Ему самому был близок натюрморт. А музей, где он работал, старался пополнить новыми экспонатами. Из них немало найденных в Дурипше совместно со школьниками. Выставленные им на народном празднике «Лыхнашта» экспонаты привлекали внимание людей. Он умел подбирать материал с ярко выраженным национальным колоритом.

До войны в Абхазии Константина Габниа больше знали как собирателя народных сказаний. Некоторые из них были опубликованы на страницах газет «Апсны» и «Бзыбь». Кроме этого, он писал рассказы и стихи, даже вышла одна его книга.

По возрасту Константину можно было не воевать. Но он сам изъявил желание пойти на фронт. Он воевал и своим пером, и оружием. А в период затишья на фронте записывал все, что увидел и пережил, беседовал с воинами, узнавал их мнения, мысли, размышления. Он хотел своими глазами увидеть подлинный образ защитников Родины.

Константин Габниа входил в состав второго батальона второй бригады, которым командовал Ака Ардзинба. В Дурипшской группе Константин был комиссаром.

При нашей встрече на горе Бырцха он сказал:

— Я оружием чудеса не творю, делаю, что могу, как все мои боевые друзья, но вот эти фронтовые записи когда–нибудь расскажут правду о войне. Если даже за них нужно отдать жизнь — отдам, но пока жив, буду писать только правду…

Мой взгляд остановился на его блокноте. Мелким красивым почерком было исписано больше половины блокнота. Мне очень захотелось взять этот блокнот и перелистать его, но я не смогла себе этого позволить.

С высокой горы Бырцха мы наблюдали за нашим любимым Сухумом До него было рукой подать, но он был еще не наш Над городом стоял дым. Многие дома горели. Мы знали, что в этот

момент погибали наши ребята А этот батальон ждал приказа о наступлении с минуты на минуту Пока мы, стиснув зубы, с болью в душе смотрели на этот плачущий Сухум, Константин уселся возле дерева и начал писать Я отвела свой видеообъектив от удручающей картины горящего Сухума и направила на Константина В моем личном архиве на видеокассете № 8 навечно остался кадр — Кон стантин Габниа делает свои записи на горе Бырцха перед самым наступлением.

Габниа Константин Семенович 1.03.1953 – 25.09.1993 (переснято с видео архива В Поповым)

С Бырцхи я с Олегом Шамба и Тото Аджапуа спустились в военный штаб второй бригады, расположенный в селе Каман, а батальон Аки Ардзинба лошел в наступление на Сухум через Сухумскую телевышку.

Через пару дней я вернулась с фронта в Гудауту, чтобы передать репортаж по радиоэфиру, и сразу же собиралась обратно на фронт. Перед отъездом зашла в редакцию газеты «Бзыбь», чтобы и там оставить мои материалы с фронта. Лаврентия Губаза на месте не оказался. Как обычно в его отсутствие, я решила оставить материал на его столе. И вдруг заметила, что на столе лежит тот знакомый блокнот со знакомым мелким красивым

почерком. У меня дрогнуло сердце, когда я увидела на блокноте кровь…

Спустя несколько дней в газете «Бзыбь» появился материал под названием «Записи из окровавленного блокнота». А предисловие к этим записям написал Лаврентий Губаз:

«Передо мной лежит блокнот, где исписанные, его владельцем страницы окровавлены. Это свидетельство того, что все записи в нем были написаны кровью самого автора этих строк. Да, эти строки написаны кровью публициста, художника, педагога и бойца Константина Габниа…»

Эти опубликованные фронтовые записи Константина были сделаны перед самой его гибелью — 25 сентября 1993 года: Он писал эти строки во время краткого отдыха при освобождении Сухумской телевышки Спустя несколько минут там и погиб.

Цикл фронтовых записей Константина Габниа под рубрикой «Записи из окровавленного блокнота…» печатался в нескольких номерах газеты «Бзыбь».

Я хочу верить, что со временем эти написанные кровью фронтовые записи будут изданы отдельной брошюрой.

Правда эпохи

«Высшее мастерство
для военного
фотокорреспондента -
заснять летящую пулю».

Андрей Соловьев

Москва. Фототека ИТАР-ТАСС. Редактор фототеки Наталья Киселева ищет в архиве фотоснимки Андрея Соловьева. А я замечаю, как у этой девушки время от времени вздрагивает подбородок, на глазах выступают слезы.

— Да разве можно такого парня забыть! — говорит Наталья. — Сам он был удивительно мягкий, ласковый, а на его работы посмотрите… Вот я сейчас нашла его снимки, сделанные после землетрясения в Армении Как они отражают правду жизни, как они показывают эту трагедию! Сам Андрей часто заходил к нам в фототеку. Всегда приветливо улыбался, был полон сил, энергии… Как же его нам сейчас не хватает! А вот его (Фоторепортаж из Карабаха…

Наталья протягивает мне пачку фотографий. Просматриваю их. Много знакомых кадров по Еревану, Карабаху, Южной Осетии, Москве Но я больше жду фотографий об Абхазии.

На мой вопрос Наталья отвечает, что последние кадры Андрея пока еще выставлены в фойе фототеки, а часть находится у заведующей.

Знакомлюсь с заведующей фототекой Ларисой Филипповной Яремчук. Она бережно вынимает альбом с фотографиями Андрея, сделанными во время войны в Абхазии, и подает его мне:

— Это кадры из его последней пленки, снятые во время освобождения Сухума. Пленку нам передали после его гибели. Мы и печатали снимки уже без него. И эти фотографии стали для нас родными, так как за эти кадры Андрей заплатил жизнью. Он прошел фронт и д числе первых освободителей Сухума находился на площади Ленина (ныне площадь Свободы). Мы их бережем как зеницу ока.

Работники фототеки доверили мне весь архив Андрея–Соловьева, когда я сказала, что сама из Сухума, и. тем более живу в двух шагах от места его гибели… Мой оператор Роберт Ломиа снимает работы Андрея Соловьева на видеокамеру, а я внимательно просматриваю все фотографии. Многие кадры

фиксируют страшное лицо войны — смерть, увечья, гробы, людское горе и страдания На портретах и групповых снимках герои — защитники Абхазии, боевые друзья–товарищи… Перед моими глазами вновь возникают картины войны, принесшей нам страшную горечь утрат и разрушений.

Фотолетопись войны Андрея Соловьева разнообразна и многолика, как многолика и сама война. Фотодокументы, представшие передо мной, хранящиеся в фототеке ИТАР-ТАСС, многое могут рассказать о героической борьбе народа Абхазии, о его Отечественной войне.

Кто же такой Андрей Соловьев, так ярко отразивший правду эпохи и погибший в нашей столице в день ее освобождения — 27 сентября 1993 года?

С таким вопросом я обратилась к друзьям Андрея которые непосредственно работали с ним в фотоагентстве ИТАР-ТАСС.

Первый, кто подробно рассказал об Андрее, был заместитель руководителя службы новостей фотоагентства Эдуард Владимирович Таланов Вот его рассказ.

— Андрей по натуре своей был художником, у него было удивительно развито эстетическое чувство. У него есть великолепные снимки архитектурных сооружений, памятников И в то же время он не мог, как фоторепортер, оставаться в стороне от трагических событий, происходивших в нашей стране. Прежде всего — это землетрясение в Армении Андрей очень здорово там поработал. С этого и началась, можно сказать, его фронтовая судьба Он стал первым в нашем агентстве военным репортером. Снимал события 1991 года возле Белого дома Был единственным, кто снял эту трагедию раздавленных в толпе людей, о чем и тогда, и теперь предпочитают не говорить А потом начались поездки по всем горячим точкам От вас он приехал раненый, сидел здесь, у меня в кабинете, с перевязанным плечом. Я говорю ему: «Андрюша, может быть, хватит, уже одна пуля сидела в тебе, слава Богу, вытащили. Тебе мало?» Он отвечает: «Я делаю то, что нужно во имя людей, во имя жизни». — «А если другая пуля не будет так милостива к тебе? — сказал я и сам испугался своих слов. «Все равно снова поеду и буду снимать, я должен доказать людям, что такого не должно быть на земле». Я понял, что возражать ему бесполезно. И через недолгое время он погиб Мне привезли пленку с его последними кадрами. На одном из них запечатлен момент, как солдат спасает ребенка, затащив его в подъезд дома. А дальше — асфальт улицы, на нем валяется чей–то бумажник. И все. Видно, камера сама это щелкнула. На похороны Андрея пришло множеств ® людей. Ведь его многие знали, были его друзьями. А затем ваши коллеги привезли

телевизионную пленку с изображением последних минут жизни Андрея и его гибели.

Если говорить о снимках Андрея, то они всегда были сделаны высокопрофессионально, в цвете, с четко выстроенной композицией. Они часто шли на обложки журналов. Больше всего Андрей любил снимать людей, умел показать в фотографии черты характера. Если бы не война, он бы достиг больших высот именно как фотограф–художник, как портретист. Прекрасно были сделаны и его военные фоторепортажи. В них нет ничего случайного, он точно находил именно ту ситуацию, которая была типична для изображаемого момента или события. Чтобы сделать такой репортаж, он постоянно рисковал своей жизнью.

Интересно, что по характеру Андрей был удивительно мягким человеком. Не было в нем той жесткости, даже нагловатости, которая свойственна военным корреспондентам просто в силу их профессии, этого требует репортерская работа. И меня всегда поражало, как с таким характером он сумел стать профессиональным военным репортером…

Андреи Борисович Соловьев 7.10.1953 - 27.9.1993

В архиве фотоагентства находится личное дело Андрея Соловьева.

Короткая запись, всего несколько строк.

«Андрей Борисович Соловьев родился 7 октября 1953 года в городе Москве в семье служащих. После 8-го класса поступил на работу в МКБ «Гранит» Учился в вечерней школе, а затем в художественном училище. Затем в его биографии — служба в Советской Армии. Поступил на работу в ИТАР-ТАСС в 1987 году. Семейный.

За выдающийся вклад в развитие фотодела награжден высшей наградой — «Золотой глаз» и золотыми и серебряными медалями.

Принимал участие во многих фотовыставках в Москве и за рубежом».

Когда я собирала материал об Андрее, многие работники агентства, услышав, что здесь работают корреспонденты из Абхазии, приходили сами и делились с нами воспоминаниями об Андрее. В числе их была фотолаборант Ирина Алексеевна Морозова. Как раз была ее смена, когда Андрей в последний раз уезжал в Абхазию.

— Я всегда восхищалась работами Андрея, — рассказывала она. — Работая в фотолаборатории, проявляла к ним особое внимание. Его кадры не запомнить было невозможно. Они обладали огромной притягательной силой. Перед моими глазами до сих пор стоит кадр, где Андрей запечатлел убитого хозяина дома вместе с его верным другом — собакой Он уже привозил впечатляющие фотографии из Абхазии, имел несколько репортажей оттуда, так что мог бы больше и не ехать, тем более что был ранен, и все–таки решил еще поехать.

Именно в нашу смену Андрей зашел сюда в последний раз перед отъездом, уже с камерой, с фотоаппаратом. Он, наверное, чувствовал, что это его последняя поездка. В тот день ответственным выпускающим дежурил Сергей Чистяков, и Андрюша сказал ему: «Если я оттуда не вернусь, то вот мое завещание, исполни его». Я, правду сказать, не знаю, о каком завещании шла у них речь. Может быть, об этом могли бы рассказать Анатолий Марковкин, Геннадий Хамелянин, с которыми он вместе ездил. В нашей памяти Андрей остался очень обаятельным человеком. Он очень многое мог бы еще сделать в области фотографии, вообще в жизни. Как жаль, когда такие люди уходят от нас!

С 1987 года и до своей гибели Андрей работал вместе с фотокорреспондентом Борисом Евгеньевичем Кавашкиным. Он более детально рассказал об Андрее, как о человеке и профессионале своего дела.

— Когда мы в 1987 году начинали работать в фотоагентстве,

наши задачи были несколько иными Мы снимали мирную жизнь. Но вскоре ситуация в стране изменилась. Некоторые фотокорреспонденты остались, так сказать, в прежнем режиме, другие сразу перестроились. В их числе был и Андрей Соловьев Они ездили по «горячим точкам», жили этой темой.

Мы, оставшиеся в Москве, порой ворчали на них — у нас в их отсутствие увеличивалась нагрузка иногда, хотя и редко, кто–то замечал, что они больше зарабатывают. И в то же время мы понимали, с какими сложностями связана их работа, — видели снимки из Нагорного Карабаха, Баку, Сумгаита. С профессиональной точки зрения на эти снимки было приятно смотреть но о каких страшных событиях они повествовали! Впер вые мне стало не по себе, когда я увидел один кадр из Баку — как на крыше «Запорожца» перевозят два гроба Не каждый может снимать такие вещи, есть люди, которые, попадая в экстремальные ситуации, теряются оказываются не в силах снимать людское горе А вот Андрей, при своей мягкости характера, сумел высоко профессионально делать такие поистине жестокие снимки. И еще один кадр — гигантский митинг, десятки тысяч людей, и снята эта толпа через памятник Ленину — сверху. Ленин словно накладывает свою ладонь на эту толпу, и становится сразу понятным отношение корреспондента к митингу.

Когда Андрей приехал раненым, мы его отговаривали ехать снова. Но истинного журналиста война захватывает, словно наркотик, и он уже не видит для себя иной темы. Ему здесь скучно, он задыхается, и снова уезжает снимать людей войны.

Ему не дают покоя человеческое горе, человеческие страдания Там, в Абхазии, его принимали как своего — ведь мы все воспитывались в одной стране, в Советском Союзе, мы интернационалисты, и я до сих пор не могу понять, как может такое быть, что одна нация идет против другой, что человека можно ненавидеть и убивать лишь за то, что он другой национальности, выяснять отношения с помощью оружия. И еще более непонятно, когда обе стороны в конфликте — люди, исповедующие православную веру. Ведь одна из Божьих заповедей — «не убий», как же можно в руки брать оружие, чтобы выяснять, кто «более православный», что ли? Я видел у Андрея снимки, на которых изображены разбитые, покосившиеся иконы. И запомнил снимок — человек, стреляя, улыбаетбя. Выходит, он гордится тем, что убивает? Все это — удивительные находки Андрея как фотокорреспондента. Хочу сказать о его последних кадрах. Снятая сверху площадь, отходящие от лее улицы затянуты дымом. Бойцы, идущие в атаку… Да, Андрей был безоглядно

смел, он доказал это еще в 1991 году, делая съемки на московских митингах, где свирепствовала милиция. И вот теперь эти редкие кадры. Мы, как только получили их, сейчас же проявили и отдали печатать.

Наш следующий собеседник — Валентин Кузьмин, человек, умудренный опытом фотокорреспондента, отдавший всю свою сознательную жизнь фотоделу.

— Когда Андрей впервые пришел к нам на работу, нельзя было не заметить его удивительную трудоспособность. Он успешно прошел стажировку, и по его работам было видно, что он решителен, уверен в себе Очень быстро овладел профессией фотокорреспондента. Был. очень мобильный, безотказный. Всякое дело доводил до конца, делал все капитально солидно, чувствовалось, что уважал свою профессию, свой труд. Он знал — то, что он делает, нужно людям, умел видеть то, чего не замечали другие. Миллионы людей могли судить по газетам и журналам о его высоком про фессионализме. И недаром он удостоен самой высшей награды, которая дается фотокорреспонденту.

— Его главной чертой была подлинная интеллигентность, — продолжил рассказ об Андрее его коллега Игорь Зоткин. — Он органично воспринимал все новое, остро реагировал на перемены в нашей жизни. Сразу их принял и посвятил свое творчество времени перемен. Снимая московские митинги, находил самые острые моменты, буквально врезался в толпу, на что не решались другие репортеры. У него всегда были туго завязанные сюжеты, ничего из них не выбросишь. Эго была настоящая правда жизни, о которой он рассказывал с помощью фотографии. Он действительно рассказал о ней, но сложил за это свою голову. Андрей погиб как герой, он и остался нашим национальным героем.

Мы, фронтовые журналисты, знали о том, что на наших фронтах работали многие фотокорреспонденты из агентства ИТАР-ТАСС. При встречах мы знакомились, называя свои имена, а потом иногда эти имена забывали — не до того было, и называли друг друга просто «коллега».

И вот сейчас, при сборе материала об Андрее, я восстановила многие из них.

Это были Олег Власьев, Анатолий Марковкин, Алексей Неменов, Геннадий Хамелянин, Сергей Мамонтов Их в ИТАР-ТАСС считают первопроходцами, которые успешно освоили фронтовые съемки и проявили себя профессиональными фотокорреспондентами, создавшими фотслетопись войны. В архивах, в памяти людей, в книгах, в периодических изданиях они оставили свой неизгладимый след А часть их снимков вошла в

фотоальбом «Абхазия, 1992–1993 годы. Хроника Отечественной войны», изданный в Москве в 1995 году.

О том, как эти ребята работали в дни войны в Абхазии, со мной поделилась впечатлениями журналист-политолог Татьяна Алексеевна Шутова, которая неоднократно бывала с ними на передовой.

— Они каждую минуту рисковали жизнью, работали в бронежилетах. Когда можно было сделать хороший кадр, забывали, что кругом стреляют, что можно погибнуть — настолько были увлечены своей работой. И самый ищущий, самый рискованный был Андрей. Как-то на позиции, сидя в блиндаже, ребята вспоминали, как Андрей в Нагорном Карабахе сделал уникальный кадр Шла страшная перестрелка, и в разгар ее он выбрался из укрытия и снял момент попадания ракеты в дом. Это была та самая секунда, когда дом вспыхнул, как факел. Этим снимком он каждого, кто его видел, сделал свидетелем войны. Вот тогда Андрей и сказал: «В-юшее мастерство для военного фотокорреспондента — это заснять летящую пулю». И Андрей делал это не раз. И за свое мастерство заплатил собственной жизнью.

В 20-х числах сентября у Андрея закончилась командировка, и он со своими пленками отправился в путь в Москву. Но на границе с Россией услышал, что абхазские войска вошли в Сухум. «Я должен снять триумф Победы», — сказал себе Андрей и, не задумываясь, повернул назад. Говорят, он все время повторял водителю: Гони, дорогой друг, быстрее, я должен успеть заснять долгожданные уникальные кадры.

Действительно, Андрей Соловьев был с первыми группами, которые вошли в Сухум. Он вел съемку на площади перед Домом правительства — последним оплотом противника. Бой был страшный, стреляли отовсюду} Группа бойцов кинулась в укрытие, и Андрей тоже. В этот момент из–за угла выбежал испуганный ребенок лет шести и от ужаса неподвижно застыл посреди дороги, а пули свистят вокруг. Один из бойцов абхазской армии выбежал из укрытия, подбежал к ребенку, схватил его за шиворот и потащил в укрытие.

Андрей, как когда–то в Нагорном Карабахе, тоже выскочил из укрытия и стал снимать момент спасения ребенка. И этот кадр остался навечно, а в Андрея в этот момент попала пуля. Видимо, он хотел сделать второй кадр, и его палец уже стоял на кнопке, но нажать на кнопку он смог только тогда, когда падал на землю, и в последнем кадре были запечатлены асфальт площади с небольшой лужей воды, а может быть, это была кровь Но четко разобраться в этом уже трудно было. Так погиб Андрей Соловьев. Но когда у человека остается то, за что он отдал свою жизнь, его можно считать бессмертным. Так имя нашего коллеги из Москвы Андрея Борисовича Соловьева вошло в бессмертие.

С Восточного фронта сообщает наш корреспондент

Шониа Анатолий Алексеевич 4.06.1947–1.9.03.1995 (переснято с видеоархива В Поповым)

Анатолий родился в селе Кутол Очамчирского района. Он был еще ребенком, когда его семья переехала жить в Ткуарчал.

Анатолий закончил ткуарчальскую 5-ю среднюю школу. Сперва он выбрал профессию инженера. Учился в Красноярском строительном институте. Затем работал корреспондентом газеты — «Ткварчельский горняк». После службы в Советской армии Анатолий был на комсомольской работе секретарем комсомольской организации в СУ «Ткварчелшахтострой». Одновременно заочно закончил филологический факультет Сухумского педагогического института.

Через год после открытия Абхазского телевидения Анатолий Шониа перешел туда на работу помощником режиссера. Спустя два месяца его переводят на долж ность режиссера. Затем он прошел режиссерские курсы в Москве.

Анатолий был женат, у него росли трое детей.

Когда началась война, жена Анатолия Нанули Хашба с детьми осталась в блокадном Ткуарчале. Младшему сыну Саиду было всего 20 дней.

Анатолий с коллегами перебрался в Гудауту, но через некоторое время решил вернуться в блокадный Ткуарчал к своей семье и работать там в качестве военного корреспондента, оператора и режиссера.

Первое время видеокадры, снятые Анатолием, шли в эфире Ткуарчальского телевидения. Затем, когда на Восточном фронте было отключено электричество, Анатолий стал присылать свои съемки вертолетом в Гудауту на Абхазское телевидение.

Анатолий Шониа периодически передавал из Ткуарчала специальные репортажи, телевизионные очерки, интервью и т.д. о жизни блокадного города.

Вот один из сюжетов, положенных в основу очерка «Блокадный город».

«С первого дня этой кровавой бойни Ткуарчал оказался отрезанным от внешнего мира Первым из работавших еще в то время предприятий остановился хлебозавод — кончилась мука, и с той поры люди уже успели позабыть и запах, и вкус хлеба. Сегодня рабочий город — без работы, без денег, без хлеба, без тепла. Нет никакой информации. Начался настоящий голод… Чтобы понять весь ужас блокады, нужно посмотреть в испуганные детские глаза. [21]

Этот текст сопровождался очень горькими кадрами по которым можно было глубоко прочувствовать сградания людей.

Но, показывая людское горе, Анатолий Шониа не заканчивал свой рассказ пессимистически. Он рассказывал и о героизме ткуарчальцев:

«Несмотря на тяготы блокады, город сумел приютить около 30 тысяч женщин и детей. Ткуарчалыды разделили с беженцами свой нищенский паек…» [22]

Надолго оставили свой отпечаток в душах телезрителей видеокадры Анатолия Шониа о гуманитарной операции по спасению жителей блокадного Ткуарчала 18 июня 1993 года. Его репорт–аж начинался словами: «Сегодня на город обрушился ливень, как из ведра С семи утра промокшие до последней нитки люди толпились у забора ткуарчальского стадиона На футбольном поле выстраивались уже разгруженные «КамАЗы» Кажется, что в этот день весь Ткуарчал залит не дождем, а слезами».

Затем — удручающие сцены эвакуации людей из Тку арчала Буквально волосы дыбом вставали, когда в эфире звучал закадровый текст Анатолия: “ Людей пытались отгонять от забора

автоматными очередями в воздух, но народ не реагировал на беспорядочную стрельбу.. В кузов машин набиваются по 60–70 человек с вещами. И даже когда машины тронулись в обратный путь, в них продолжали втискиваться уже на ходу…» [23]

Далее Анатолий Шониа показывает эти удручающие кадры уже без корреспондентского текста, со своим интершумом. Трудно удержать слезы, глядя на них. Еще тяжелее становится, когда послушаешь разговоры остававшихся в блокадном городе людей: «Если суждено умереть, то лучше умереть в своем доме, на своей земле…» — говорят они. В их глазах грусть и слезы. Анатолий Шониа нашел также тех людей, которые в этот грустный день сумели сказать слова, поддерживающие дух, хоть немного поднимающие настроение: «Зря уезжают, скоро им придется возвращаться, ведь мы победим. Мы освободим нашу землю от агрессоров. Без нашей Родины нам не жить. Мы свою Родину никому не отдадим…». [24]

В видеосъемках Анатолия Шониа рассказывается о героизме, стойкости, самоотверженности медиков в блокадном ткуарчальском госпитале Кадры свидетельствовали, каким поистине титаническим был труд людей, которые в невероятно сложных условиях, в холоде, голодные, при тусклом свете керосиновых ламп или «коногонок» без устали, не жалуясь, делали свое святое дело — возвращали раненых бойцов к жизни.

Сюжеты Анатолия Шониа рассказывали о селах Восточного фронта, о разных боевых операциях, удачных и неудачных. Выражение — «поседел на глазах» можно отнести к Анатолию после съемки октябрьского наступления на Очамчыру. Сама операция была, без всякого преувеличения, смертельно рискованной Когда Анаго лий снимал обугленные тела заживо сожженных в автомашине абхазских ополченцев его земляков ему впервые за время войны стало плохо он потерял со знание. С этого дня у Анатолия Шониа было подорвано здоровье, он постоянно чувствовал слабость А во время июльской операции в селе Тамыш когда осво бождали центральную трассу, Анатолий с камерой в руках упал. Он сумел спасти видеокамеру, а сам получил увечье в области шеи Медицинскую помощь ему оказали в селе Члоу, где находился медпункт. Через некоторое время врачи определили, что у Анатолия было смещение позвонков Но лечиться в то время Анатолий не мог себе позволить С невыносимыми бо лями он продолжал работать до конца войны А после войны уже было поздно лечиться, и вскоре он скончался.

В архиве Абхазского телевидения сохранены видеокадры Анатолия Шониа. Каждый, кто готовит сюжет о военном времени на Восточном фронте прежде всего, обращается к этим кадрам

Они остаются золотым фондом нашего архива Отечественной войны народа Абхазии Эти кадры делают Анатолия Шониа вечно живым.

notes

Примечания

1

Личный архив Бебиа Г. Г. Аудиокассета № 1

2

Письмо журналистов Абхазской Гостелерадиокомпании от 16 августа 1992 г.

3

Интервью В. Г. Ардзинба для журнала «Страна души». Июль 1995 г.

4

Книга «Памятник нам сыновей не заменит». (Стихи и песни). Сухум, 1994 г. С.5.

5

Личный архив Бебиа Е. Г. Ауд. № 7, № 50.

Аргун А. Х. «Абхазия: ад в раю…» Сухум, 1994. С.352–353.

7

Личный архив Бебиа Е. Г. Ауд. № 16.

8

Личный архив Бебия Е. Г. Воспоминания Светланы Хашиг. Видеокассета№ 193. Оператор Мизан Ломиа.

9

Из личного архива Бебиа Е. Г. Воспоминания Светланы Хашиг. Видеокассета № 192. Оператор Мизан Ломиа.

10

Из личного архива Бебиа Е. Г. Воспоминания Алексея Гогуа. Видеокассета № 192. Оператор Мизан Ломиа.

11

Из личного архива Бебиа Е. Г.

12

Книга Н. Хашиг «Мирод Гожба». Изд. Алашара, 1995 год.

13

Личный архив Бебиа Е. Г. Воспоминания Владислава Ардзинба. Видеокассета № 193. Оператор Мизан Ломиа.

14

Личный архив Бебиа Е. Г. Видеокассета № 96. Воспоминания Нины Поляковой. Оператор Бебиа Е. Г. (Санкт–Петербург, 1996 г.)

15

Из личного архива Бебиа Е. Г. Видеокассета № 197 Воспоминания Геннадия Аламиа. Оператор Ломиа М.

16

Из архива Абхазского телевидения Интервью у Мирода Гожба берет журналист Отар Лакрба.

17

Из архива Абхазского телевидения. Оператор Анатолий Малания.

18

Из архива Абхазского телевидения. Интервью у Мирода Гожба берет журналистка Эмма Ходжаа.

19

Из личного архива Бебна Е. Г. Видеокассета № 197. Воспоминания поэта Рушбея Смыр. Оператор Мизан Ломна

20

Из личного архива Бебиа Е. ф. Видеокассета № 77. Интервью берет Светлана Беклемишева.

21

Из архива Абхазского телевидения. Видеокассета № 7.

22

Там же.

23

Из архива Абхазского телевидения. Видеокассета № 7.

24

Там же.